

ЖИЗЕЛЬ ЧЖАО

ПОД НОГГАМИ ЯД

Жизель Чжао

Под ногтями яд

По мотивам вселенной Thief: The Dark Project

Иллюстрации: Жизель Чжао

Искренняя благодарность корректорам:

Glypher, Иван Молочко, Zontik, Soldi, MoroseTroll

© Жизель Чжао, 2026

От автора

Приветствую тебя на страницах этой повести.

То ли Трикстер вёл моё перо, то ли многолетний путь сквозь серию Thief в конечном итоге воплотился в этой истории... Но идея её создания возникла спонтанно, удерживая меня в творческом запое ежедневно на протяжении трёх месяцев. Да так неотступно, что буквально стоила мне здоровья. И всё же я не жалею: этот созидательный импульс и мощный поток вдохновения стали для меня бесценным опытом.

Повесть написана по мотивам видеоигры Thief: The Dark Project (1998 год). Из оригинала я позаимствовала антураж, протагониста и нескольких персонажей: Бассо, Рамиреза, Баффорда и Фаркуса. Остальное, включая Селену, сюжет - моих рук дело. Хотя даже оригинальные герои требовали серьёзной проработки и домысливания. Характер Гарретта в игре туманен, что уж говорить об остальных, чьи образы ограничивались лишь именами и крохами информации.

Писать от лица протагониста оказалось задачей непростой, порой даже мучительной. Моё миропонимание и жизненные ценности имеют мало общего со взглядами Гарретта и Селены. Тем интереснее было вживаться в этих персонажей, исследовать тени их душ...

Фактически, все главы - это дневник Гарретта: его мысли и взгляд на происходящее. Чтобы уравновесить его натуру угрюмого параноика, я разбавляла повествование черным юмором, контрастом в динамике сцен и в манере героев изъясняться.

В повести не стоит ждать прямолинейности: самое важное здесь редко лежит на виду - оно припрятано между строк, словно добыча в тайнике. К тому же я добавила множество пасхалок, намёков, двойных смыслов и скрытых значений, которые ещё предстоит обнаружить внимательному взгляду.

Перед тобой мой авторский дебют. Надеюсь, что эта история найдёт в тебе отклик, и из неё удастся вынести что-то ценное.

Глава 1: Скидка за старое знакомство

Они оценивают себя в каратах, хотя на деле не стоят и ржавого медяка из сточной канавы. Иерархии, титулы - просто повод для хозяев дёргать слуг за ниточки. Сборище нахлебников, слишком трусливых, чтобы выходить на дело в одиночку, и слишком жадных, чтобы оставить профессионала в покое. Я работаю на себя и не намерен становиться строчкой в чьей-то ведомости, разве что в графе «непредвиденные убытки».

Рамирез подмял под себя всех воров в Городе. Неделю назад его громилы зажали меня в «Чертоге медянки»:

— В Городе нет бесплатных троп, — хрипел их главный. — Хочешь промышлять - отстёгивай в казну Гильдии. За отказ снимем кожу раньше, чем успеешь извиниться.

Я надел перчатку коротким рывком и привычно затянул ремешок. — Передай своему хозяину: если хочет мою долю, пусть сперва научится не вздрагивать от моей тени. А налоги мои уходят скупщикам - за новые отмычки...

Хайтаун пух от золота, пока в Стоунмаркете жизнь стоила дешевле крысиного хвоста. Я шёл вдоль серых каменных фасадов, вырезая маршрут между зонами видимости и постами стражи. Плащ насквозь пропитался гарью и сыростью - лучшая маскировка для здешних мест.

В лавке у Фаркуса всё было по-прежнему: темнота, густая, как дёготь, и пыль, осевшая на языке. Вольный делец копошился в груде ворованного хлама, вытирая руки о замасленный фартук.

— Явился, — выдохнул он. — Зачем пришёл, Мастер-вор? Снова кости погнул о чужие засовы? Или притащил блестяшку, за которую мне придётся торговаться с тобой до рассвета? Ты только не надейся. Цена за риск будет солёной.

— Побереги связки, Фаркус, — я выставил на прилавок тяжёлый кубок. — Принимай товар и готовь монету. И снаряди меня стрелами.

Он пододвинул чашу и прищурился.

— Знатная работа, — безжизненно проскрипел старик. — Одна беда: такая вещь тянет на дно сильнее, чем...

Резкий свист стрелы! Я ушёл в пережат за стеллаж. Фаркусу повезло меньше. Жало прошило ему кадык, пригвоздив к шкафу. Древко ещё секунду дрожало от удара. Он дёрнулся, кровь брызнула на прилавок, заливая моё золото.

Досадно... — я втиснулся в тень у стены. Рука замерла на ножнах.

Снаружи загоготали, кованые сапоги грохнули по мостовой.

— Есть! Пришпилил гада! — рявкнул кто-то. — Видел, как он вытаращился? Висит, как родной! Гони мой выигрыш, Квинс!

— Точно Гарретт?

— А то кто же! Всё как Селена, девка продажная, срисовала: торчит у стола, харей в золото уткнулся. Сдох крысёныш! Теперь хозяин нам такую поляну накроет - неделю блевать будем!

— Подавись, плесень подзаборная! — звякнули монеты. — Всё, сворачиваемся. А то нас разом повяжут прямо над этой костлявой дохлятиной.

«Гарретт»? Фаркус был ростом с табуретку и стар, как капище Язычников. В лавке стоял густой мрак, и всё же - какими остолопами надо быть, чтобы нас спутать? Но наёмники верили своей удаче... Кто бы ни была эта Селена, она явно затеяла какую-то свою игру.

Тяжёлая поступь и победные выкрики головорезов смолкли в глубине переулка. Старик всё ещё висел на шкафу, задрал подбородок. Его округлённые глаза будто спрашивали: «Гарретт, какого Трикстера?»

Извини, Фаркус, — я выудил свой кубок из лужи крови, — ты был прав: эта чаша действительно тянет на дно. Похоже, сегодня ты послужил моим балластом.

Я вытер золото о чистый край его фартука. Нет смысла оставлять такую ценную вещь городской страже. То же касалось и пары-тройки стрел, которым больше не суждено было попасть в торговую книгу.

Мне было смертельно интересно узнать, кто на самом деле держит крестовину марионетки. Я прикрыл за собой дверь и пошёл по их следу, сторонясь дёрганого света масляных фонарей. Груда ящиков помогла запрыгнуть на карниз.

Резкий ветер на крышах сорвал с одежды вонь подворотен. Я передвигался по черепице мягким шагом, пока эти двое топтали грязь улиц. Они шли вразвалку, довольные, что отправили «Гарретта» гнить в ямах на радость крысам.

— Ну и бабища эта Селена, а? — долетел голос. Они приостановились у фонаря. — Глянул ей в вырез, пока над картой стояли, и чуть челюсть туда не уронил.

— В том-то и гниль. Улыбнётся - и ты уже готов родную мать в петлю засунуть. Расчётлива, вся в отца.

Я хмыкнул, перепрыгивая на свинцовую кровлю. О да, расчётливая. Подставить дряхлого скупщика - щедрый жест, учитывая, что платила не она.

— Глаза ядовитые, как свинец! От такого прищура сразу в штанах тесно становится!

— Джейкоу, уймись наконец! Из-за твоего трёпа нас обоих скормят буррикам ещё тёплыми! Сам же в курсе: она для лорда - как самородки в сундуке... Но ты в точку попал, змея та ещё. Из тех, кто душит сразу после постели.

Пока эти олухи упражнялись в остроловии, я прикидывал её истинный вес в общей схеме. Она отвела от меня стрелу, подбросив им ложную цель. К чему такая любезность?

Ворота поместья со знакомыми зелёными полотнищами уже маячили в конце улицы. Когда наёмники свернули в арку, всё встало на свои места. Меня словно окунули в помои Стоунмаркета: дочурка Рамиреза перерезала верёвку, на которой меня собирался вздернуть её отец. Мастер-вор, вытащенный из петли капризом аристократки...

Оценил твоё милосердие, «миледи», — я спрыгнул в тень по ту сторону стены. — Теперь мне ничего не остаётся, кроме как заглянуть к вам в гости. Раз твой старик так хочет заплатить за мою голову - помогу. Вытрясу все ваши сундуки дочиستا. Присутствие хозяина не обязательно...

Глава 2: Налог на независимость

Поместье нависало над кварталом, как памятник заплывшему жиру. Для обывателя - крепость, для стражи - кормушка, а для меня - раздутый кошелёк, который забыли затянуть. Здесь смердело экзотическими цветами и дорогим табаком - дух залежалого золота.

Пока стража у парадного входа грелась в кругах фонарного света, я обогнул здание по полосе мрака и нырнул на хозяйственный двор. Кухонный гам спрятал мои шаги лучше любой тени. На ходу прибрал со стола сыр и яблоко - съем позже.

В доме повсю кипела предсказуемая возня: слуги лязгали утварью, стражники лениво переругивались на постах, а мадам Велветт, наверняка в десятый раз, примеряла жемчуга. Пустая декорация. Настоящее дело ждало в тишине богатых залов, где всё располагает к тому, чтобы усыпить бдительность господ.

В щели приоткрытой двери показался патрульный, меривший шагами ярко освещённый коридор. Я притаился, готовя лук.

— Что это за запах? — бубнил он себе под нос. — Пахнет протухшим мясом. Это не может быть от меня, я мылся пару недель назад...

Короткое шипение водяной стрелы смыло свет. Пока стражник возился с «вечно гаснущим факелом», я стелился по плитке к следующей двери. В малой гостиной теснились многослойные гобелены и напольные вазы из цельного малахита. Мой выбор - мелочи. Золотая статуэтка с камина, шкатулка, кусок плотного бархата - заодно обмотаю им более крупную добычу, чтобы не звенела.

Комнаты сменяли друг друга, пока я бесшумно просачивался к цели. Путь лежал наверх, в самое сердце этой ярмарки тщеславия - в покои Рамиреса. Чтобы пронять такого как он, достаточно провести ревизию его сундуков, пока он спит. Золото почтенный хозяин ценит выше собственной безопасности, так что сюрприз его не обрадует.

Лестница покорилась без единого скрипа. Я проскользнул мимо поста. Стражники обсуждали, сколько им отсыпят за «смерть» Гарретта. Бедняги, они мысленно пропивали медяки, которые в этот момент уже перебирались в мой мешок.

Вход в спальню преграждала тяжёлая дубовая дверь. Замок заставил бы вспотеть любого новичка. Щелчок, я внутри. Первое, что меня встретило -

это звук. Ритмичный храп, от которого, казалось, дрожали подвески на хрустальной люстре. Рамирез спал так, словно у него была чистая совесть.

Городской Смотрящий... Коронованный паяц, решивший, что грабёж - это его частная лавочка. Он натравил на меня убийц вместо того, чтобы разобраться самому. Типично для хозяина трущоб: спеси на королевство, отваги - на один нищий выдох. Что ж, этот налог на независимость я соберу с него сам.

Я начал с его прикроватной тумбы. Золотой колокольчик, перстень с опалом, кошелек. Работа шла споро, без лишних движений. На очереди - бронзовый сундук. Замок был с секретом, но через пару минут сдался и он. Внутри - золото и долговые расписки. Бумага не стоила внимания. К чему мне этот хлам, когда в руки идёт то, что на самом деле даёт ему власть?

Смерть была бы слишком щедрым подарком для Рамиреза. Куда забавнее представлять его физиономию утром: он орёт на охрану, а я пересчитываю его монеты за кружкой эля.

На столе у окна лежала карта. Южный Квартал, Даунтаун, Хайтаун - всё поделено на зоны влияния между ним и другими «баронами». Он может размечать карты как угодно. Пока в Городе есть тени, в его описи всегда будет не хватать пары вещей. Например, этой серебряной чернильницы.

Храп на секунду прервался. Моё тело застыло, слившись с бархатной портьерой. Сердце билось ровно. Он что-то пробормотал - возможно, распоряжение о казни или сумму взятки. Перевернулся на бок, высунув вперёд ногу. Едва по стенам снова ударила утробная симфония, я с приятной тяжестью в карманах двинулся к выходу и мягко притворил дверь. Со спальней было покончено, первый этап мести завершён.

Облегчить его кошелек было мало, а кража Серебряной Кочерги гарантированно испортит ему репутацию в Гильдии.

Артефакт, по слухам, хранился в библиотеке на втором ярусе. Впереди послышались тяжёлые шаги и бряцание доспехов - ещё пара наёмников обходила этаж. Я замер в нише, пропуская их дальше по маршруту. Стражники ворчали, что в библиотеку им путь заказан, пока Селена хозяйничает внутри. Они скрылись, и я вписался в открывшийся зазор между патрулями. Перепрыгнул через плиту: свет на ней ложился неестественно ровным квадратом. Рамирез одинаково банален как в ловушках, так и в своей жадности. Он сам стащил всё золото в одну кучу, чтобы мне не пришлось собирать его по всему Городу.

Впереди показалась громада кованых створок библиотеки. Через узкую щель пробивался мягкий свет.

Глава 3: Серебро и притворство

Библиотека обдала меня запахом лишних денег, спущенных на бесполезные редкости. Массивные резные стеллажи подпирали потолок, выставляя напоказ ряды древнего хлама в кожаных переплётках. Сомневаюсь, что Рамирез открывал их ради чего-то, кроме доступа к тайникам. Книги для престижа, долговые расписки - для души.

Я зашёл внутрь, прикидывая обстановку. Библиотеку заполнял плотный мрак, камин делил зал на рваные куски света и тени. Селена сидела в кресле рядом с огнём и с равнодушной миной читала книгу. Наёмники не врали - Рамирез тратит на дочку больше, чем на всю свою стражу. Одно её платье перекрывало всю добычу, что я выгреб из спальни.

В глубине зала блеснуло стекло витрины с Серебряной Кочергой. Между мной и добычей - сорок футов открытого пола и эта фигура в кресле. Такая ситуация требует предельной хладнокровности. Я начал двигаться, выверяя каждый шаг.

Я крался по ломаной траектории, вставляя в тени шкафов каждый раз, когда пламя в камине вспыхивало ярче. Первый ряд полок пройден. Страница перевернулась - в тишине шорох бумаги прозвучал как гром. Я был уже в пяти шагах от витрины, когда Селена поднялась. Мой силуэт мгновенно припал к паркету. Ленивой походкой она побрела к полкам в поисках новой книги. Пока она копалась в корешках, я преодолел оставшееся расстояние. Замок отозвался беззвучным щелчком, подставляя Кочергу под мои пальцы. Сквозь кожу перчаток почувствовался приятный холод серебра. Я быстро замотал наживу в бархат.

Селена не спешила. Она медленно вела пальцем по полкам, повернулась и замерла... Её взгляд упал на пустую витрину. Плечи напряглись, глаза расширились. Она огляделась и посмотрела в ту самую тень, где я прятался. Руку даю на отсечение - она знала, что я там... Дубинка уже просилась в дело. Один удар гарантирует тишину. Но её следующий ход перечеркнул мой план. Она достала новый том, раскрыла его и присела обратно в кресло. Лицо опять стало расслабленным, словно под её носом не умыкнули вещь стоимостью в половину этой библиотеки.

В какую игру ты меня втягиваешь?

Теперь, когда стало очевидно, что поднимать шум она не намерена, пришло время вскрыть карты.

— За такой фокус Рамирез быстро сменит шелка на цепи. Чего ты ждёшь?

Селена оторвала взгляд от книги. Она не видела меня в тенях.

— Смею предположить, крик всего-навсего привлечёт сюда людей, чьё присутствие в столь неуместный час отнюдь не доставит мне удовольствие, а лишь хлопот, — она высокомерно чеканила каждое слово. — К тому же, мистер Гарретт, уверена, что вы изволите покинуть эти своды гораздо быстрее, чем стража успеет подняться по лестнице.

Знает, с кем говорит...

— Почему дала убийцам ложный след?

— Я могу вечно перечислять претензии к отцу, но это наскучит нам обоим. Ваша смерть была бы... чрезмерно гротескным и неоправданным событием.

— Решила, что труп скупщика - достаточный аванс, чтобы сделать меня должником?

— Мистер Гарретт, — произнесла она на резком выдохе, — ваши подозрения вполне оправданы. И всё же, не стоит судить о всей семье по тем мерзостям, что позволяет себе мой отец. Кочерга, на которую вы наложили свои не в меру резвые руки - не более чем металл. Моя свобода стоит дороже. А теперь, если вы закончили грабить нашу библиотеку, я бы предпочла вернуться к чтению.

Пустая болтовня. Аристократы не могут обойтись без церемоний, даже когда их обносят. Секундой позже я уже был в коридоре, ловя ушами свист охранника за углом...

Эта дамочка снова мне помогла. Причём в открытую. Она - либо сумасшедшая, либо ведёт игру такого уровня, где отмычки уступают интригам.

Раздумья пришлось свернуть. Удобная тишина поместья с треском разорвалась. До охраны дошло, что в доме гуляет гость. Я подтянул ремни, подавляя дребезжание добычи, и двинул к укрытию. Оттуда будет забавно понаблюдать за бессилием Рамиреза, когда он начнёт метаться на глазах у стражи, обнаружив, что его обчистили до нитки.

— Где?! Где мои сапфиры?! — визг Велветт долетел снизу. — Моё кольцо!

Я перегнулся через перила галереи. Она бегала из стороны в сторону, вцепившись в шкатулку, а слой пудры на щеках осыпался от ярости.

Твоё кольцо уже сменило владельца, а ты и дальше верь, что мир вращается вокруг твоего корсета.

И вот на сцене объявился тот, ради кого я так старался весь вечер. Рамирез скатывался по лестнице, на ходу упаковывая своё грузное тело в халат. Лицо пошло пятнами, глаза навывкате.

— Заткнись! — каждая ступенька стонала под его весом. — Плевать на камни! Ублюдок Гарретт сейчас гуляет по моему дому! Джейкоу! Квинс! Твари криворукие! Вы клялись мне, что он сдох!

Тот самый наёмник, который ещё недавно бахвалился своей меткостью, побледнел, вжимая голову в плечи.

— Но, милорд... мы же пришили его! Мы видели тело в лавке! — он скулил, старательно обходя имя Селены. У него хватило чутья не впутывать дочь хозяина в свой провал - иначе его голова слетела бы первой.

— Идиоты! Кого вы приколотили?! — Рамирез схватил его за грудки и тряс так, что шлем съехал тому на глаза. — Вы укололи какую-то плешистую падаль из лавки! А Гарретт жив! Он выпотрошил мою спальню! Он обчистил мои сундуки!

Сладкая музыка. Под эти вопли я спустился вниз по верёвочной стреле. Мадам Велветт так удачно рыдала в густой тени, что не разделить с ней это бремя - вместе с парой монет - было бы нарушением воровского этикета. Выверенным рывком тетивы я запустил шумовую стрелу в дальний конец коридора.

— А? Что это было? — наёмник заозирался на пустой проход.

— Что было?! — Рамирез содрогался от бешенства. — Тупица! Это Гарретт чистит поместье, пока ты стоишь столбом! Вон туда, живо! Ищите его, или я скормлю ваши потроха буррикам!

Я перетёк в следующую тень. Пояс всхлипывающей Велветт оказался передо мной. Кошелёк послушно лёг в ладонь, как только я коснулся креплений. Люблю такие моменты: они суетятся в двух шагах, а их золото всё равно переключивается ко мне в карманы.

— Селена! Где Селена?! Дочь, ко мне! Быстро!

Двери наверху распахнулись настежь. Селена сбежала вниз, сменив маску за один лестничный пролёт. В холл явилась бледная девица с таким убедительным ужасом в глазах, будто минуту назад в одиночку столкнулась с вором. Её правда...

— Отец! Что происходит? Почему стража бежит по этажам? Маменька, вы ранены?

— Селена! — вцепившись в её плечи, Рамирез лихорадочно осматривал её в поисках повреждений. — Этот выродок, Гарретт, он здесь! Ты видела его в библиотеке?! Кочергу он тоже спёр?

— Кочерга?! Я была там! Мне послышался треск... я приняла его за стук ветви о витраж! Неужто вор подобрался так близко? Строитель всемогущий! Украсть самую главную реликвию рода - воистину, это плевком нам в лицо!

— Это не просто вор, это - проклятье! Он выставил меня дураком!

— Прошу вас, отец! — она сжала его локоть. — Вы должны поймать его и заставить молить о пощаде! Я хочу, чтобы его крики в подземелье стали последним воспоминанием о том, что он когда-то дышал с нами одним воздухом. Как такой... неопрятный и вульгарный тип смог обвести вокруг пальца всю вашу гвардию?

Хм, «неопрятный», значит? В следующий раз, когда решишь меня спасти, я обязательно напудрю нос и надену камзол.

— Ты права, моя Селена... Стража! Выходы перекрыть! Обыскать каждый шкаф! Переломайте мрази все кости! Верните моё золото!

Представление стоило каждой потраченной минуты, но ещё немного - и стражники начнут тыкать мечами в каждый тёмный угол.

Я вылез через окно и перепрыгнул на крышу флигеля. Милое семейство: он рвёт глотку, она тонет в слезах, а дочь выжидает своего часа. Одна рука гладит родителя, вторая - держит фитиль у его пороховой бочки.

Удачи с дочуркой, Рамирез. Бьюсь об заклад, она обчистит тебя куда изящнее, чем я.

Мешок за спиной отзывался приятным перезвоном на каждый прыжок. Давненько я не заходил в гости с таким размахом. Никто не делится щедрее хозяина, который проспал всё веселье.

Глава 4: Шелковый разрез

Дома меня встретили привычная сырость и тишина. Я запер дверь на все засовы, опустил балку. Сбросил мешок с добычей и снаряжение. Зажёг огарок свечи.

В Хайтауне городская стража сейчас наверняка вышибает двери в каждом подвале, а Рамирез всё ещё лопаётся от злости.

Содержимое мешка завалило стол. Лязг золота и монет, стук камней - эти звуки поставили точку в сегодняшнем деле. Кочерга заняла центр - отливка из чистого серебра с чеканкой. Рядом легло ожерелье. Камни крупные, огранка розой, а крепления хлипкие. Красиво блестит, в отличие от ума бывшей хозяйки.

Я стянул промокшие перчатки и принялся за подсчёт. Кочерга, ожерелье, несколько золотых подсвечников, кошельки и целая куча безделушек - справедливая плата за риск. Итого: полтора года безбедной жизни, если не сорить деньгами.

Откинувшись на стул, я глотнул эля из бутылки. Вкус - дрянь. Зато не отдаёт приторным враньём, которым пропитано всё поместье. Мысли невольно вернулись к произошедшему в библиотеке. Вся вылазка прошла бы как по маслу, если бы не Селена.

В милосердие я не верю. Здесь от негодохнут быстрее, чем от чумы. Ты просто вовремя подставила подножку своему отцу. Вопрос - зачем?

Она же должна понимать, что разорение ударит и по ней. Без Кочерги и с опозоренным родителем её цена в Хайтауне упадёт: из трофея она превратится в мусор. Может, она уже давно продала Рамиреза конкурентам, а мой визит - лишь финальный штрих в их сделке? Или решила вступить в права наследования пораньше? Какой смысл ждать, пока король изволит скончаться, если можно толкнуть его в канаву и занять пустующий трон. Удобное алиби: я ворую его золото, а принцесса ворует его власть...

Она ведь ни разу не выдала своего участия. Фаркус оказался лишним звеном, которое она разомкнула, и даже глазом не моргнула. Моего скупщика вывели из игры в угоду её личной выгоде. Опасный игрок. Та же порода, что и Рамирез, только почерк куда тоньше. Он привык ломать кости, а эта удавит так изящно, что не сразу заметишь. Мало того, старик верит ей без оглядки - трудно ждать удара от собственного «ценного экспоната».

К чёрту. Не хватало ещё забивать голову амбициями Селены, когда у меня полный стол наживы. Чужие интриги - лишний груз, а я привык ходить налегке.

Следующие несколько дней Хайтаун гудел, как паровой котёл. Люди Рамиреза были заняты облавами, переворачивая вверх дном половину Города. Мне главное было не высовываться с крупной добычей сразу.

Сначала я сбросил часть мелочёвки. Золотые подсвечники ушли к хромому старьёвщику в Квартале Бедняков. Он берёт дорого за молчание, но сейчас мне нужна была тишина, а не лишняя монета.

Затем ожерелье. Предательски приметное. Оправу - в тигель, золото лишнего не сболтнёт. А с сапфирами пришлось повозиться, выковыривая их из пазов. Камни растворялись в Городе частями, район за районом. Скучная, выматывающая рутина. Шёпот в подворотнях, фальшивые имена, ожидание ножа в спину...

На третью ночь Кочерга покинула тайник под полом. Сбыть такое уличным менялам - всё равно что продать императорскую печать в лавке сушёного гороха. У них бы животы скрутило от одного вида этой штуковины, а псы Рамиреза пустили бы меня на лоскуты раньше, чем я успел сосчитать выручку. Так что я просто стесал герб напильником. Теперь это был обычный кусок серебра по весу. Скупщик завёл привычную песню о «горячем товаре», но руки у него уже дрожали от жадности. Хорошая сделка: Рамирез лишился реликвии, я - нужды искать работу на ближайшее время.

Позолоченный хлам и какой-то музыкальный инструмент ещё ждут своего часа, а на сегодня хватит. Монеты в кармане, стража далеко, спине нужен отдых. Я посмотрел через щели заколоченного окна. «Моя свобода стоит дороже»...

Бесполезный шум. Грызня этих хозяев жизни меня не касается.

Глава 5: Кредитор

Через четыре дня стены моей норы начали давить. Снова этот зуд: любопытство - опасная черта для вора, но оно никогда не спрашивало моего разрешения. Мне нужно было узнать, как там поживает мой благодетель Рамирез. В Стоунмаркете говорят: хочешь узнать правду - взболтай ил на самом дне.

Я натянул старый, заляпанный грязью плащ - в богатом квартале такое бы называли «вульгарностью», а здесь это был единственный способ стать ещё одной тенью среди обитателей дна. Я выбрался через лаз заброшенной прачечной и побрёл в сторону «Хромого буррика». В этом притоне вору, наёмники и прочие отбросы Города перемывали кости толстосумам из Хайтауна.

Внутри разило дешёвым табаком и немытыми рубашками - единственное, что остаётся здесь неизменным. Я забился в самый тёмный угол, натянул капюшон пониже и заказал бурду, которую трактирщик не стеснялся называть пивом. Какое-то время цедил впустую, вслушиваясь в общий гул - пьяную ругань, дробь костей и визг девок. Вскоре фразы за соседними столами стали разборчивее, а тема - интереснее.

— Слыхали? Рамирез-то всё, — басил громила с поломанным носом. — Говорят, Гарретт увёл Кочергу и побрякушки его бабы прямо из-под носа.

— Не свисти! У него же там стражи больше, чем вшей на тюремной подстилке!

— Была стража, — громила смачно сплюнул на пол, прямо у моего сапога. — Теперь половина разбежалась. Рамирез обещает золото за голову вора, а сам-то... Ростовщики уже наматывают его кишки на кулак. Вес его слова теперь - пшик! Оказалось, любой висельник может зайти к нему в логово и нагадить в его парадный шлем.

Я едва сдерживал довольную ухмылку. Рамирез стал посмешищем, о которое каждый стремился вытереть ноги. Публичное унижение в наших кругах лечится только большой кровью. Но чтобы пустить кровь, нужны люди, а наёмники, которые раньше кормились из его рук, теперь подыскивали место потеплее. Битая монета. Заказ на мою голову обошёлся ему дорого.

Внезапно разговор сменил тон.

— Лорд Баффорд уже точит ножи. Ему не нужен поделник, который так жидко обосрался. Он сровняет поместье с землёй. Да так, что люди будут креститься, проходя мимо той груды углей!

— И сровняет, — гнилые зубы обнажились от оскала. — Но самое вкусное — дочурка Рамиреза.

— О-о, это да. Лакомый кусочек. Раньше-то к ней и не подойти было. Охрана, старик с алебардой наперевес...

— Говорят, Баффорд пообещал её тому, кто первым ворвётся в её спальню. Хочет сломать девчонку на глазах у отца. Выдрать из кружев, вывалить в грязи, чтобы взвыла погромче мамыши. Да только по другой причине.

Селена — расчётливая, изворотливая дочь Смотрящего... из-за которой я всё ещё дышу этим смрадным воздухом.

Чего ты дёргаешься, Гарретт? Она сама запустила ржавый механизм, который раздавит её первой. У тебя полный карман чеканки, сиди тихо и смотри, как Город живьём выжигает этот гадюшник.

Но в голове всё равно засел лишний гул. Свобода ей якобы дорога... Зря. В глухом подвале Баффорда головорезы быстро выбьют из неё остатки спеси.

Помедлив, я поднялся с засаленной лавки. Пиво отдавало кислятиной, мысли — досадой. Моё дело — тени, а не спасение жизней. Я не подставляю шею в чужой игре, если в конце не маячит увесистый кошелёк.

Долги — штука паршивая. Я всегда стараюсь держаться от них подальше, только в этот раз залогом стала моя собственная шкура.

Проклятье, — я вышел на улицу. — Залечь на дно и забыть всё это. Куда тебя несёт?

Я взглянул на холм, где жирела знать. Поместье теперь казалось просто кучей тряпья, которую уже начали делить падальщики. Пальцы привычно проверили отмычки и рукоять кинжала. Просто взгляну. Её мотивы, какими бы они ни были, меня не касаются. Если сбежала — отлично. Если нет... Долги нужно закрывать, даже когда кредитор — змея из Хайтауна.

Глава 6: Вторая выплата

Мой закон - промысел и выживание. Лезть обратно в поместье было не самым лучшим решением, но долг - это поводок, и я предпочитаю срезать эту дрянь со своей шеи.

План простой: пробраться в поместье, вытащить её до того, как люди Баффорда устроят там побоище, и расстаться на добром слове. Чтобы при следующей встрече, вскрывая замки на её сундуках, я не чувствовал себя обязанным.

Ещё на подходе к владениям Рамиреза стало ясно: прежние правила здесь больше не действуют. Вместо вышколенной стражи у ворот развалилась пьяная банда. Воздух потяжелел от дешёвого эля, табака и предчувствия крови. Стражники даже не пытались делать вид, что охраняют поместье - расселись вокруг бочки и хлопали по ней картами. Среди прочих я заметил своих старых знакомых - Джейкоу и Квинса. Первый лениво протирал лук, поглядывая на окна верхнего этажа. Идеальный момент, чтобы выразить ему благодарность за «меткость». Я устроился в густой тени прямо за их скамьей. Пальцы вытягивали из его колчана стрелу за стрелой.

— Слышь, — Квинс икнул и потянулся за очередной порцией. — Нам же пора... типа на смену на первый этаж. Служба, все дела.

Джейкоу загоготал и начал собираться.

— Ты как всегда прав, старина, — заученным жестом он вскинул плечо, подтягивая пустой колчан за спиной. — Пойдём, а то пропустим делёж «добавочного жалования».

Попасть внутрь через окно было пустой формальностью. В коридорах уже вовсю потрошили хозяйское добро. Слуги тащили всё, что не сопротивлялось их трясущимся рукам. Служанки в слезах паковали узлы, а повара, судя по запаху, уже начали дегустировать винный погреб.

Я поднялся по верёвочной стреле на балки в большой зале. Отсюда всё семейство было как на ладони. Без золота и власти Рамирез превратился в обычного испуганного толстяка. Он врос в кресло, из-под распахнутого камзола вываливалось потное брюхо, а руки судорожно вцепились в подлокотники. Он хрипел, как дырявые кузнечные меха, выкрикивая приказы, которые никто не выполнял.

От Велветт осталась одна оболочка: покачиваясь, она гладила пустоту в шкатулке и бормотала что-то о приёмах.

Единственным живым человеком в этом склепе была Селена, стоявшая в центре залы.

— Джейкоу! — она рявкнула. — Если ваши люди ещё раз посмеют переступить порог восточного крыла без моего разрешения, я лично прослежу, чтобы вам выплатили жалование сталью.

Наёмник, вошедший в залу, зацепил большие пальцы за ремень и осмотрел её сверху вниз.

— Леди Селена, — протянул он с издевкой, — у вашего папаши закончились монеты. А мы - народ простой. Нет кругляшек - нет службы. Теперь мы здесь вроде как... смиренные опекуны, хе-хе.

Селена оборвала спор коротким разворотом.

— Хватит дрожать, отец! Неужели в вас не осталось и капли мужества? Перестаньте позориться этим убогим трепетом!

Рамирез поднял на неё мутный взгляд. — Селена... Золотые слова. Ты - самое ценное, что у меня осталось. Мы ещё можем всё вернуть! Послушай, у лорда Солаццо есть слабость к таким девицам, как ты. Пару обещаний, правильный подход - и он даст нам стражу. Мы заставим Баффорда умыться кровью!

Смердело здесь похлеще, чем в Стоунмаркете. Рамирез готов был продать дочь первому встречному, лишь бы его собственная туша осталась целой.

— Вы опоздали на десять лет, отец, — устало ответила она. — Ныне ваши козни не стоят и стёртого медяка. Если вы хоть наполовину тот человек, за которого себя выдавали, оставьте эти стенания и вспомните, что вы лорд, а не мокрая крыса.

Рамирез сорвался на бессвязный ор, Велветт завывала, а наёмники в углу захохотали. Власть над сбродом была потеряна безвозвратно...

Но как ни странно, лицо Селены оставалось на редкость невозмутимым. Либо она не понимала, что её ждёт, либо она знала какой-то чёрный ход из этой передряги, который я проглядел.

Мне нужна была удобная лазейка. Всего один просвет, когда она отлепится от своры похотливых наёмников и своих полоумных родичей. Я начал перемещаться по пыльным стропилам. Селена вышла из залы и направилась к спальням. Следом, не скрывая наглой ухмылки, тащился стражник. Когда дверь её покоев захлопнулась, он привалился к косяку, поглаживая рукоять тесака с таким видом, будто уже щупал её за бёдра.

Я засел на балке напротив двери. Никакого геройства. Просто выплата по счёту.

Глава 7: Покровитель с большой дороги

Джейкоу стоял рядом с дверью в спальню Селены и задумчиво скреб затылок. Я уже прикидывал, как бы сподручнее приложить его, когда из-за поворота вывалился Квинс.

— Здорово, плесень подзаборная! — он с размаху обрушил лапищу на плечо напарника. Вонь от пойла долетела аж до меня.

— Где мой припас? — Джейкоу хлопнул по пустому колчану. — Опять ты за своё, балагур хренов? Я ж их у бочки оставлял!

— Поцелуй меня в зад! Сдались мне твои палки. Лучше скажи, долго ещё будешь столбом торчать? Жирный там, в зале, уже пузыри пускает. Надо брать своё, пока лавочку не прикрыли.

— Жду, — буркнул Джейкоу, косясь на закрытую дверь. — Эта Селена... она ведь не просто тварь породистая. От неё могилой тянет. Слышал, как она в зале заводилась? Чистый яд, будь я проклят.

— Да брось, дружище! — Квинс зажал его шею локтем и принялся трясти. — Обычная заносчивая шельма. Просто привыкла, что Рамирез за её юбку всех вешает. А сейчас он - никто! Знаешь, о чём думаю? Обломать эту ледяную принцессу прямо на её поганных книжках. Показать ей, что такое запах настоящего мужика, а не эти её притирки из цветочков.

— Ну дык! — Джейкоу облизнулся. — Давай так: ты держишь, я развлекаюсь. Потом меняемся. Будет дёргаться - тем веселее! Пора этой паскуде хлебнуть жизни без охраны!

Они обсуждали, как будут ломать её и измываться, но, несмотря на бахвальство, медлили. Ночь сгущалась, поместье рушилось, а эти два головореза топтались у двери, боясь сделать первый шаг. Даже сквозь хмель и вседозволенность они чуяли в Селене угрозу, которой не было у её отца.

Впрочем, похоть и выпивка оказались сильнее. Квинс решительным пинком вышиб запёртую дверь.

— Погнали! Время пускать кровь и сбивать спесь!

Я потянулся следом по балке, готовя кинжал. Пустить их в расход было чистой механикой ремесла: пара остывших наёмников вычеркнет мой долг перед девицей.

Стоило оказаться в комнате, как в нос ударил тяжёлый, приторный запах. Алхимия? От дурмана во рту становилось сладко. Я натянул ворот плаща на лицо, стараясь дышать через раз.

Селена не вздрогнула от грохота двери, так и оставаясь стоять у окна - подозрительно спокойная для той, к кому ввалились два насильника.

— Полагаю, вы пришли за расчётом? — она обернулась медленно, будто ждала именно их. — Боюсь, в казне моего родителя остались лишь долги и разочарования.

— Нам не нужны его подачки, леди, — Квинс шагнул вперёд. — У тебя есть товар подороже. И мы решили забрать его прямо сейчас!

В следующую секунду Селена сменила личину. От прежней ледяной брони не осталось и следа. Глубокий выдох, мягко опустившиеся плечи - каждая её черта теперь выдавала покорность.

— Вот как? — она склонила голову, демонстрируя шею. — Значит, вы решили взять своё?

Они застыли на месте, хрипя сквозь стиснутые зубы. Селена подалась вперёд, скрадывая дистанцию. Рискованная затея: так подставляться под пьяный порыв этой швали, готовой смять её в любую секунду... У неё есть козырь в рукаве? Или она просто блефует?

— Грубая правда плоти вместо лживых поклонов, — выговорила она почти шёпотом. — Раз уж мы стоим у края бездны, почему бы не поиграть по вашим правилам?

Она подошла к Квинсу и мягко коснулась его щетины. Тот уставился на неё, затаив дыхание. Знала, на какие кнопки давить у этих животных.

— Вы кажетесь такими несокрушимыми в своей броне. Неужели вам не хочется её сбросить и почувствовать живое тепло всем телом? Или вы боитесь меня, безоружную?

Чистая дрессура. Квинс, не отрывая от неё взгляда, начал судорожно растёгивать ремни доспеха. Железо глухо впечаталось в паркет. Джейкоу последовал его примеру. Яд напроочь сорвал этим тафферам резьбу.

Селена сделала несколько шагов назад и распустила завязки - платье сползло, открывая плечи. Повернувшись, упёрлась локтями о край стола... Рассудок помутился, что ли? Встать спиной к двум мясникам, потерять их из виду - это же тактическое самоубийство.

— Мне всегда хотелось узнать... каков на ощупь зверь, которого больше не держат на цепи.

Они рванулись к ней - слюни по подбородкам, глаза пустые. Уже были в шаге от неё, когда послышался рокот механизма. Пол под ногами Квинса выстрелил длинными колями, дырявя его насквозь. Кровь плеснула в потолок. Второй наёмник оцепенел, таращась на прошитого сталью напарника. Селена резко развернулась с веером в руке. Обнажилось лезвие. Джейкоу запутался в полуопущенных портах. Выпад. Сталь вошла ему под

челюсть. Он повалился ничком, и вслед за его последней конвульсией в комнате повисла мёртвая тишина.

Кровавая, безупречная работа капкана.

Жизнь наёмника густыми толчками уходила в ворс ковра. Селена отступила на шаг, чтобы не запачкать туфли, поправила платье и устало выдохнула. Она безразлично посмотрела на два изувеченных трупа - ни ужаса, ни азарта... Передо мной стоял инструмент для убийства, отполированный до блеска.

Хорош и я. Почти прыгнул вниз «спасать» её, размахивая кинжалом. А спасать нужно было меня - от собственной глупости. Пока дышал её дурманом, чуть не забыл, зачем вообще сюда пришёл. Ещё немного, и сам бы свалился с балки прямо на её разделочный стол.

Вернуть контроль. Нужно делать вид, что всё идёт по плану, пусть даже чужая кровь брызжет на сапоги. В конце концов, в моём деле главное - не вляпаться. Буквально.

Я спружинил на ковёр. Селена вытирала пальцы кружевным платком, словно только что закончила чистить яблоко.

— Змеиное гостеприимство, — произнес я, стараясь не наступить в лужу. Её плечи вздрогнули. — Сначала гипноз, потом клыки. Жаль, аплодировать некому - публика уже остыла.

Она обернулась, и на мгновение в серых глазах появилось что-то похожее на торжество. Такое впечатление, что её позабавил зритель, успевший к самому финалу.

— Мистер Гарретт, поделитесь, как вам развязка? Достаточно ли убедительно для вашего взыскательного и, без сомнения, крайне разборчивого в низостях вкуса?

— Неплохо сэкономила на жалованье охране. Если честно, не думал, что ты ведёшь игру настолько грязно.

— «Честно»... Чем обязана визиту? Ни для кого не секрет, что золото из поместья утекло быстрее, чем кровь из этих несчастных. Боюсь, вы зря потратили свой драгоценный воровской досуг.

Я опёрся на шкаф, сложив руки на груди.

— Твоё золото уже давно осело в моих тайниках. Я здесь из-за долгов.

Она приподняла бровь, изображая непонимание.

— О каких обременениях идёт речь?

— Оставь этот спектакль. Рамирез почти захлопнул над моей головой крышку гроба, а ты всё испортила. Зачем - не моё дело. Я не намерен оставаться должным. Пришёл закрыть счёт.

— Прошное уже не важно. Доносить на меня отцу теперь лишено смысла, ведь поместье превратилось в прах.

— Чёрт, да не собираюсь я доносить, — её аристократический говор уже сидел в печёнках. — Я собираюсь сплавить тебя отсюда в один кусок, пока не нагрянули те, кто не приучен ждать финала твоего... реверанса.

Она лишь покачала головой, разглядывая кровь на своих ладонях.

— Вы сами изволили убедиться: моя безопасность не требует вашего участия. Мужская натура вполне предсказуема, чтобы я видела в ней серьёзную преграду. Я справлюсь сама.

— Думаешь, пара пьяных костоломов - это победа? Снаружи их целая орава. Собираешься махать перед ними веером, как мельница?

Она притихла. Кажется, логика всё-таки перевесила гордыню. Но сказать вслух, попросить о помощи... По её виду - легче пустить себе кровь этим самым веером. Она вдруг улыбнулась с горечью, которую я не ожидал увидеть у этой палачки.

— Мой отец - трус, а Гильдия - сборище крыс. Вы приняли верное решение, не надев его поводок. Это делает вам честь. Однако не обольщайтесь. Для меня вы были инструментом, чтобы столкнуть империю отца в пропасть, и на этом ваша роль окончена. У меня есть всё необходимое.

Трудно было разобрать: то ли это белый флаг, то ли новый виток её бесконечной игры.

— Благодарю вас. За ваш жест вежливости, — её голос на мгновение дрогнул, потеряв уверенность. — Это... этого достаточно. Между нами нет долгов. Не обременяйте себя тревогой, у меня есть план.

Ещё бы. У таких змей запасные клыки отрастают быстрее, чем они успевают их терять. Я нехотя оттолкнулся от шкафа, проклиная каждую лишнюю секунду, которую убил на эти благотворительные посиделки.

— Что ж, не буду мешать твоей встрече с вечностью. Раз ты такая независимая, то и в яму ложись сама.

— Превосходный занавес для нашего недоразумения, — кивнула она и направилась к умывальнику. — А теперь ступайте, дабы я могла привести себя в порядок. Кровь на коже - слишком кричащий аксессуар.

Она начала оттирать пятна, игнорируя моё присутствие. Очередная блажь аристократки, выходящая за рамки здравого смысла. Я запрыгнул на

подоконник. Ночной воздух уже холодил лицо. Последний взгляд на окровавленный пол и на эту змею, прежде чем я шагнул в темноту.

— Знаешь, что здесь будет «слишком кричащим»?.. Твоя смерть.

Глава 8: Принципы для недоумков

Кожаные подошвы привычно липли к мокрой черепице. Я фильтровал звуки улиц, отделяя случайный шум от сигналов потенциальной опасности. Издалека доносился дребезжащий рокот парового двигателя. Совсем рядом патрульный лязгал сапогами по мостовой и ворчал на погоду.

Хотела играть в королеву пепла - пусть примеряет корону.

Формально я пришёл закрыть долг. Достал кинжал, прикинул углы атаки... Но счёт остался открытым. В моём ремесле возврат долга за спасение skóry - это не индульгенция, которой можно взять и подтереться. То, что занял место в первом ряду, созерцая, как она разделяет наёмников, никак не означало, что мы квиты. Долг жизни выплачивается равнозначным куском мяса.

Я соскользнул вниз по кладке. Всплеск грязи под ногами утонул в шуме дождя. Дальше - в обход через Квартал Ткачей, подальше от патрулей и мелких мародёров. В Стоунмаркете нырнул в свою нору. Здесь меня хотя бы не прирежут во сне... Запер все три засова - внимательно, вслушиваясь в каждый щелчок. Скинул отяжелевший плащ, метнул сапоги в угол. Ледяная вода смыла густой запах свежатины вперемешку с её дорогим парфюмом. Кости рухнули на лежак, а взгляд застыл на потолке.

Вот тебе и вылазка в поместье Рамиреза... Селена подсунула мне роль, которую я отработал как по нотам. В Городе выживает тот, кто ведёт свою игру, а не тот, кому всучили заученный сценарий...

А ведь совсем недавно жизнь была простой и понятной, как удар дубинкой по голове. Залез в окно, выгреб сундуки, спустил золото и залёг на дно. Никаких девиц с тайным умыслом в голове, никаких «долгов чести»...

Тьма сменилась грязной серостью утра. Я направился к кабаку сквозь лихорадящий Город. Отребье, что обычно затихает к рассвету, теперь выползало на запах свежей крови и лёгкой наживы. Из тумана жёлтыми окнами проступал «Хромой буррик», где уже вовсю праздновали падальщики.

— Всё, сдох боров! — орал какой-то дуболом, размахивая оловянной кружкой. — Лысый вскрыл ему кадык прямо в золочёном кресле! Рамирез хрипел, как недорезанный хряк, пока парни выносили сундуки. И потаскуху его пришили - выла громко.

Я осел в тени, натянув капюшон на самые глаза.

— Баффорд хотел и девку молоденькую! — его напарник вытер жирную бороду рукавом. — Все наши в зале разум теряли. Руки сами к ножам тянулись - то ли её взять, то ли соседа прирезать. Уговор был - продать в бордель. Такая породистая сука в «Лунной пыли» принесла бы гору золота.

— И чё? Взяли?

— Хрен там плавал! — громила опрокинул в себя пойло и звучно рыгнул. — Наши наткнулись в её спальне на трёх шавок Рамиреза: горла вскрыты, один вообще на кольях висит. Говорят, она там Трикстера призвала или сама в змею обернулась.

— Вот же мразь! И ведь вышла сухой из воды!

Я усмехнулся в кружку. Стадо. Пока они захлебывались жадностью, Селена готовила сталь. Лучшее время для броска - когда жертва смотрит в другую сторону. Мы работали по одним и тем же чертежам, с разницей, что её оружием был алый шёлк и ложь, а моим - чёрные углы и тишина. Сравнивая наши ставки, я не мог отделаться от досады. Ведь пока я полжизни учился растворяться в темноте, она заставляла Город плясать под свою дудку, стоя на ярком свету.

Бросив на стол щербатую монету, я вышел наружу. Вокруг бурлила суета, которая всегда расцветает на чужих пепелищах. Улицы кишели мародёрами. Кто-то тащил облезлый гобелен, кто-то - позолоченный подсвечник, стоящий больше, чем вся их никчёмная жизнь...

Я проверил ремни на поясе. Мои запасы скудели. Старые отмычки сточились, а в колчане болталась пара щепок. От Фаркуса - теперь уже просто кучи гнилых останков - толка было ноль, так что пришлось идти к Тремуло. Раз кресло Рамиреза пока пусто, этот проныра станет куда сговорчивее - ведь его не будут прижимать за торговлю с одиночкой вроде меня.

Скупщик держал лавку неподалеку, в подвале ткацкой мастерской. На редкость громко для места, где тишина - основной товар. С потолка давил скрежет механизмов, сдобренный мышью вознёй Тремуло. Он судорожно ворошил на весах обломки золотой цепи. Увидев меня, отпихнул всё в сторону и изобразил радость.

— О-о-о! Кого я вижу! Слышал, Гарретт, слышал... Весь город гудит. Рамирез отправился кормить червей, а его нажива теперь гуляет по рукам. Это же ты выбил табуретку из-под его жирной задницы?

— Меньше слушай всякую шелупонь, — я развернул на прилавке пустую скрутку для снаряжения. — Дай стрелы и отмычки позубастее.

Тот фыркнул со смеху, перерывая ящики в поисках товара. — Да ладно тебе морду кривить! Вся сволота трущобная знает твой почерк, Гарретт. Чисто, нагло, под самым носом у Смотрящего. Скажи по совести... — он высунулся,

сверкая глазами, — ...ты дочурку его видел? Обласкал её напоследок в счёт оплаты, а?

Болтливый торгаш. Он продавал слухи так же охотно, как и чужое добро.

— Оставь базарный трёп. Она из тех, кто сжигает театр вместе со зрителями. Считай золото и помалкивай.

— Ну ты и кремень! — он выложил набор из инструментов и пучок стрел. — Сброшу с цены по-свойски! За то, что прикопал этого борова.

Сверху, через узкий проём окна, донеслось чавканье сапог по грязи и хрипая перебранка. Двое наёмников Баффорда остановились прямо у входа в мастерскую. Скупщик напрягся. Крысой он не был, но я всё равно пристроил ладонь на рукоять. Если решит сдать меня, я пришью его к прилавку раньше, чем он откроет рот.

— ... Смешно тебе, гнида?! — голоса доносились отчётливо. — Ни хера он не остыл! Вернулся в особняк, и уже с ворот на говно исходил, кидался на всех! Ты хоть растолкуй, таффера кусок, как вы её упустили? Руки отсохли бабу в бараний рог скрутить?

— Чего на меня-то лаешь? Он же с ней лясы точил до последнего! Слышь? Она распиналась, угрожала, а он только пузо чесал... Клянусь петлёй, шикарная девка! В таком замесе - и не дрогнула!

— Хорошо цедить по капле, выблёвывай всё!

— Ну стояла, как вкопанная, ясно тебе?! А когда старик вспомнил про этого вора... как его... Гарретта, вот тут её и перекосило почему-то. Баффорд всё скалился, обещал сердце этому упырю вырезать. Ну, или типа того. Она прошипела про... честь? Или ещё какую чушь, а потом - ад кромешный! Чтоб я сгнил в Крагсклефте! Огонь, вопли, мясо кругом... Хрен бы ты там сам не обосрался!

— Брехня это всё дырявая! Поджали хвосты - и всё тут! Я так вообще слышал, что эта кукла к Гарретту в конуру вползти норовит. Поди, думает, ублюдок вытащит её из петли за то, что рожей вышла.

— Сам-то ссанину в уши не лей! Нахера такой богине сдалась эта подвальная крыса? Нам тут её выуживать, а она, небось, уже на пути в Столицу. Гарретт для неё - дерьмо под ногами, понял?! Если она его и вспомнила, то чисто чтобы пожелать сдохнуть от икоты, пока он пропивает её наследство!

Я неторопливо убирал стрелы в колчан. Внутри шевельнулось скверное предчувствие. Тремуло, затаив дыхание, пялился на меня.

— Чуешь? — прошептал он. — Девка-то тебя, кажись, ищет. Неужто и правда признала в тебе своего кобеля?

Из груди вырвался короткий смешок.

— Разве что бешеного. Того, кто перегрызёт ей глотку за пару медяков. Не мели чушь, Тремуло. Чистоплюи из Хайтауна не зависят от всяких крыс.

Забрав снаряжение, я переждал у порога, пока эти двое снаружи натешатся трёпом и очистят мне путь.

— Придёт «богиня», скажи, что я слишком занят выуживанием монет из канав, чтобы задирать голову к небу.

Глава 9: Капкан из битого стекла

Ступив под хлесткий дождь, я почувствовал, как тяжелеет мой долговой счёт. Оставить её на расправу Баффорду - значит навсегда повиснуть на крючке у покойника. Ненавижу такие хвосты: от них не откупиться никакой монетой.

Пропуская вперёд очередную банду, я забился в узкую щель между домами и прижался к мокрой стене. Пальцы нащупали в кармане новые отмычки - единственный символ веры, который меня никогда не подводил.

Дрянной расклад. Если Селена всерьёз решила поиграть в прятки и надеется, что я её вытащу, у неё в голове трухи больше, чем в тренировочных мишенях. Найти меня в Стоунмаркете - пустая затея, если я сам этого не захочу. Единственное, что ей здесь светит - это встреча с местной падалью, которая быстро объяснит, сколько стоит гордость в подворотне.

Нужно было подать знак. Достаточно внятный для неё и пустой для остолопов Баффорда...

Я заглянул в лавку к красильщику, который как раз паковал узлы, собираясь уезжать из Города. Стянуть флягу с алой краской было делом двух секунд. Выбрал несколько точек в квартале, через которые любой крысе так или иначе доведётся продираться в поисках убежища.

Первую надпись я оставил прямо на углу улицы, ведущей к поместью Рамиреза. Обмакнув обрывок тряпки в краску, я размашисто вывел на сером камне: «Слишком кричащая смерть», а чуть ниже пристроил кривую змею с открытой пастью. Хвост указывал вглубь трущоб.

Изящно. Если завяжу с кражами, пойду расписывать стены в тюрьмах. Там у клиентов нет выбора - придётся любоваться...

Метки легли ещё в паре мест. У цирюльни змея обзавелась короной - не очень тонким намёком на принцессу, которая теперь шляется по помойкам. Наёмники, проходившие неподалеку, лишь зубоскалили, тыча пальцами в мои художества. Для них я просто огрызался, как таффер, которого кинули при делёжке.

Пустая фляга отправилась в кучу соломы. Для местного декора - в самый раз. Наведался к пекарю: тот так увлечённо обвешивал какую-то старуху, что не заметил, как лишился ковриги. На нужды голодающего искусства.

Верхний ярус в Доках стал надёжным укрытием. Отсюда отчётливо просматривался путь в старый пакгауз - тупик, куда вели мои метки. Приводить змею к своему собственному дому было бы верхом дилетантства.

Дверь пакгауза приспособил под ловушку: ржавый клин в петлю и слой битого стекла под парусину у порога. Кто бы ни решил потребовать аудиенции в этом клоповнике - тишина для него закончится на первом же шаге.

Срок - до завтрашнего рассвета. Если за это время алый шёлк не мелькнёт в моём капкане - значит, её либо уже прижали у Баффорда, либо она оказалась умнее и просто сделала ноги из Города.

Я жевал суховатый хлеб, глядя через щель в каменной кладке.

Хайтаун не стал чище со смертью Рамиреза. На его место уже лезли новые паразиты вроде Баффорда. Город поглощает пустоту - убери одну крысу, и на её место тут же примчится десяток других. Пока Хайтаун обгладывал кости бывшему Смотрящему, я обживал свою тень. В моём деле ожидание - такая же часть работы, как и взлом замков.

Глава 10: Слишком дорогой хвост

Устроившись на тюки с прессованной пенькой, я прикрыл глаза. Голова была тяжёлой, а в моём ремесле это прямой путь на виселицу. К тому же стоит Селене появиться, она наверняка выставит такой счёт за свою спасенную шкуру, что я едва сдержусь, чтобы самому не вернуть её Баффорду. Из чистой экономии...

Разбудил хруст стекла. Кто-то двигался вверх по винтовой лестнице. Не шаги, а скольжение. Змея ползёт на лов?

Я врос в тень за штабелем коробов, наложив стрелу на тетиву. Первым долетел запах - тот самый приторный дурман, к которому теперь примешались гарь и медь запекшейся крови.

Появился силуэт в тёмном плаще. Похоже, свои драгоценные туфли она выкинула ещё в Хайтауне - ноги были обмотаны в грязное тряпье. Осторожная поступь не могла скрыть сути: за внешним разорением скрывалась не портовая девка, а загнанная порода, которая даже в обносках умудрялась смотреть на мир с высоты своего исчезнувшего поместья.

Она остановилась посреди склада. Постояла мгновение и медленно скинула плащ: платье в саже и крови, подол чёрный от слизи. Признаться, природа отсыпала ей сполна. Грязь на шее ещё больше выделяла светлую кожу, а разорванный корсет выставлял напоказ всё то, ради чего наёмники пошли бы на костёр. На миг по телу прошёл ненужный жар, но голос рассудка быстро поглотил этот порыв. Красота в Стоунмаркете - это либо наживка, либо товар с подвохом, за который расплачиваются головой.

— Ваши путеводные знаки - оригинальный способ пригласить даму на randevu, — её голос чуть охрип, вот только проклятый театральный говор никуда не делся.

Я вышел из тени, ослабляя натяжение лука.

— Старался. Как видишь, сработало.

Она обернулась. Улыбка была непривычно тёплой.

— Вы очень любезны, мистер Гарретт. Я сомневалась, что вы захотите марать руки о мои злосчастия после того, как изволили разорить мой дом.

Забавно. В поместье ты пела совсем другую песню. Что, реальность оказалась грубее твоего плана?

Она шагнула ко мне, явно готовясь разразиться какими-то откровениями. Но я не для того малевал стены, чтобы превращать пакгауз в исповедальную.

— Достаточно, — отрезал я, и её «веселье» начало тухнуть. — Оставь благодарность для тех, кто в ней нуждается. За Фаркуса я задолжал тебе по-крупному, это факт. Сейчас я вытаскиваю тебя из ямы, и мы в расчёте. На этом наши пути расходятся.

Она посмотрела на меня с этой своей отрепетированной усталостью.

— Полагаете, что перед вами разыгрывается очередной фарс?

— Удиви меня, — я повесил лук на плечо. — Ложь и интриги - это всё, что ты знаешь. Сейчас ты улыбаешься, а завтра сдашь меня за мешок золота и новую пудру.

Она не стала спорить. Сил на актёрство у нее, видимо, не осталось. Я подошёл ближе. Гарь от платья мешалась с запахом кожи.

— Дёрнешься не туда - и наша сделка аннулируется вместе с твоим будущим. Понимаешь, о чём я?

— Вполне. Моё слово не теряет веса от того, что вы слишком хорошо меня знаете.

Селена поёжилась и скрылась в плаще, спрятав от глаз грязные изумруды и свой холёный силуэт.

— Иди за мной, — скомандовал я. — Тихо. Если обложат наёмники, отбивать не стану - просто уйду в тени.

Город уже покрылся жёлтыми пятнами фонарей - верный признак того, что честным жителям стоило запереть двери.

Тащить её из Доков было тем ещё удовольствием. Вонь стояла такая, что стража обходила эти посты за милую - что нам и требовалось. Грязные обмотки на её ногах отлично глушили звук шагов. После мягких ковров она быстро освоилась на скользких булыжниках и в жиге закоулков. Но спесь брала своё: она несла себя сквозь помои так, словно под ногами у неё не дохлые крысы, а прелестные лепестки роз. Её выдавал лишь тонкий платок у носа, в который она старательно пыталась спрятаться.

Прохожие оборачивались. Опасно. Масть в трущобах режет глаз - а это заметный след.

— Пригнись, — шепнул я под сводами каменного моста, когда над головой протопал патруль. Селена послушно склонила голову.

Она молча плелась за мной. Ни нытья, ни жалоб. Знала, когда нужно затаиться.

Мы месили грязь в сторону дома Бассо. Этот пройдоха, пожалуй, был единственным, кто не поленится присыпать мой труп мусором, когда удача окончательно даст осечку. Он обосновался в серой зоне между Старым Кварталом и Стоунмаркетом - перекрёсток всех сомнительных сделок, где смрад нищеты служит лучшим паролем, а нежелание знать соседа в лицо - главным правилом приличия.

Его лачуга казалась грудой гнилья, которая держалась на честном слове пьяного плотника и слоях сажу. Внутри горел тусклый свет. Я потянул стальную петлю, скрытую в щели, и засов скользнул в пазы. Толкнул дверь без стука. Мой старый подельник и ходячая помойка всех городских секретов ковырял заевший замок шкатулки.

— Гарретт! Ну заходи, раз не прирезали по дороге! — он по обыкновению даже головы не поднял. — По всем притонам шепчут, что ты Рамиреза наизнанку вывернул. Добро сработал, висельник ты недоделанный! Давно пора было этого мерзавца в дёготь окунуть. Кочерга-то Серебряная легко в руки прыгнула?

— Сделай одолжение, не сори словами. Я здесь по делу. — Я остановился в двух шагах от него.

— Ха! По чему ж ещё...

Бассо отодвинулся от лампы и увидел фигуру в плаще за моей спиной. На его губах расплылась довольная ухмылка.

— Опа! А это у нас кто? Неужто решил спустить заработанное на разгул? Одобряю! Правда, вид у неё такой, будто её переехала телега со щебнем, но по осанке - строптивая девка, из тех, кто подороже. Ты её что, в кости выиграл или выхватил из закрытого экипажа по дороге к клиенту?

— Бассо, придержи язык.

— Да не зуди ты! — он хохотнул, вытирая руки о грязную ветошь. — Сейчас такое время - гуляй, пока очередной «барон» всех к ногтю не прижал. Слыхал, кстати? Дочурка Рамиреза, Селена, испарилась. Говорят, она там полдюжины наёмников в фарш превратила. Эх, вот бы мне такую бабу в хозяйство! Я б её...

Он замолчал на полуслове и принюхался. Запах её духов в этой дыре казался более неуместным, чем букет в бочке с гнилой селёдкой.

— Гарретт... а чё от твоей подруги несёт королевским садом?

По моему кивку Селена откинула капюшон. Бледная кожа, чёрные волосы - этого набора сейчас хватало, чтобы поднять на уши любого стражника в Городе. Бассо прищурился, узнавая приметы, и его физиономия вытянулась. Он попятился с отвисшей челюстью, хлопая глазами - вылитый болван.

— Клянусь своей шеей... — выдохнул он, снося задом стул. — Это же... Это она? Та самая?

— Та самая. Любуйся, пока я её не придушил.

— Добрый вечер, мистер Бассо. Верно ли я уловила ваше имя в этом потоке красноречия?

— Я... я... да, госпожа... — Бассо совсем растерялся. Он перевёл ошалелый взгляд на меня. — Гарретт, ты чё сдурел? Зачем ты её сюда приволок?! Это же петля на шею! За неё Бафффорд нас живьём в стену замурует и заставит жрать известь, пока не подохнем в корчах!

— Вонять начал, да? — я присел на край верстака. — Закроешь её в своём подвале. На пару дней, пока ищейки не сойдут со следа. В твою дыру даже крысы заходить стесняются, так что...

— Нет! Исключено! Пошёл ты на хер! Мы с тобой давно в одной упряжке, но я не самоубийца. Это тебе не кошельки резать, это грёбаные игры лордов, в которых нас раздавят, как клопов на тряпье!

— Не скули! — Я шикнул. Его паника начала действовать мне на нервы. — У нас уговор: я тащу добычу, ты зачищаешь хвосты. Считаю её моим хвостом. Спрячь так, чтобы сам не нашёл, и забудь.

— Какой хвост?! Это ж целый дракон, мать твою! — Он замахал руками. — Забирай свою даму и вали, пока нас не прибили гвоздями к воротам!

Во мне вспыхнула злость.

— Ты всегда был тяжёлым на подъём, но сейчас ты - просто бесполезный мешок с навозом.

— Зато живой! — Он смахнул испарину фартуком. — Нашёл дурня... Ты её умыкнул, ты и спасай. Только смотри: она тебе мозги вытравит своим аппетитным тельцем, и не заметишь, как начнёшь пускать пузыри через новую дырку в животе.

— План накрылся медным тазом, — бросил я Селене.

— Как вам будет угодно. Прошу простить неожиданный визит, мистер Бассо.

Я двинулся к выходу, не оставляя на этих трухлявых досках ни звука, хотя внутри всё звенело от ярости. Мои зубы сжались так, что челюсть сводило. Придётся сбыть её куда-то ещё...

— Эй! — долетело нам в спину, когда мы уже были в дверях.

Я обернулся и смерил Бассо взглядом, борясь с желанием высказаться до конца. Тот смотрел на Селену.

— Слышь, ваше высочество... — он почесал затылок. — Ты того... уж не допусти, чтобы этого идиота вздёрнули раньше времени. Не крути из него узлы своими ручками. Он штучный товар, ясно? Город и так дыра, а без его выходок здесь станет напрочь тухло.

— Разве мои руки похожи на те, что сеют разрушение? — На лице Селены снова появилась та самая двусмысленная улыбочка. — Он и впрямь... весьма любопытный экземпляр. Я не дам ему повода уйти раньше срока, можете на это рассчитывать.

Обозначив легкий поклон, она вышла на улицу. Я бросил на Бассо прощальный взгляд исподлобья и захлопнул дверь.

— Иди, — я указал в сторону темноты переулка. — Сейчас я буду решать, в какой яме тебе отсидеться, чтобы не помереть до рассвета.

Глава 11: Цена покоя

Бассо... Годен разве что протирать портки в кабаках да советовать, где найти пойло подешевле. Стоит припечь его рыло, как он тут же забывает, чьим ремеслом ещё не болтается на площади в петле. Пришлось тащить девицу к себе! В новую нору, которую я и обжить-то не успел. Ещё не привык к скрипу половиц, а уже тащу туда чужака.

Знакомые подворотни раздражали - необходимость вести кого-то за собой превращала скрытную перебежку в цирковой парад. На полпути, в одном из тупиков, я остановился и вытащил из-за пазухи кусок тёмной ткани.

— Глаза завяжи, — кинул ей тряпку. — Не хватало, чтобы ты запомнила дорогу и продала мой адрес страже.

— Разумная предосторожность, — донеслось из-под повязки. — Будь я в ваших обстоятельствах, поступила бы так же.

Я проверил узел, прихватил её за локоть и повёл на рывках, чтобы она не пересчитала повороты.

Добрались. В темноте коридора я нащупал рычаг, спрятанный под ворохом тряпья. За рядами пустых чанов открылась потайная дверь.

— Скидывай тряпку.

Пока она возилась с повязкой, я выкрутил фитиль лампы и ткнул огнём в пару свечей. В тусклом свете проступили стеллажи со снаряжением и экипировкой, на верстаке в рабочем порядке лежали инструмент и расходники. Укромный, надёжный угол - и до этой минуты безраздельно мой...

Я привалился к стене и скрестил руки.

— Тесновато для твоего сословия, зато блохи здесь самые породистые. Привыкай, тут всё по-честному: вместо позолоты - плесень, вместо любезностей - я.

Селена повела подбородком, изучая своё новое укрытие. Её взгляд задержался на заколоченном окне.

— Позвольте заметить, мистер Гарретт, после того как я имела сомнительную радость лицезреть глубины городских стоков, ваша обитель кажется мне залом для приёмов. По крайней мере, здесь не веет отчаянием, как в жилище вашего громогласного сподвижника.

Я дёрнул углом рта.

— Твой тронный зал там, — я указал в сторону дальнего угла с корытом и лежаком. — За черту не лезть, мои вещи не трогать, вопросов не задавать. Угодья заканчиваются в шаге от лежака. Всё остальное - моё.

Она посмотрела на свои руки, покрытые гарью и коркой запекшейся крови. Я ответил прежде, чем она открыла рот:

— Вода есть. Грею для чистки снаряжения. Мыло... поройся в нижнем ящике.

Каждый занял свою сторону. Она отсекала себе закуток обрывком мешковины.

Мне нужно было занять руки, чтобы в голову не лезли ненужные вопросы. Пока за «ширмой» слышалась возня, я выложил снаряжение от Тремуло. Сталь тонкая, гибкая. Шлифовка чистая. Я принялся проверять отмычки на контрольном замке. Если бы не плеск воды, мешавший фокусироваться. Эхо от тяжёлых капель, бьющих в дно корыта, разносилось по всему логову. Мешковина, проеденная молью, оказалась настолько ветхой, что свет лампы пробивал её насквозь, выдавая всё, что должно быть спрятано: линию спины, движение рук...

Я прижал отмычку к стопорному кольцу. Металл звякнул, возвращая меня к реальности. Много постороннего шума, много непрошенных мыслей. Я чувствовал, как стены давят на голову.

Браво, Гарретт, — я не сводил глаз с замка. — Не прошло и часа, а ты уже глазеешь на девуку, которая придушит тебя за пару медяков... Мастер-вор. Дешёвая пародия.

Стрелы... Наконечники сработаны на совесть - жала острые, развесовка без перекосов. Я проверял каждое перо, стараясь не замечать, как движется тень на стене. Разумеется, она нашла флакон розовой воды - трофей из какого-то кабинета. Потому что теперь во всей норе несло этой цветочной отравой.

Шорох ткани сменился шлёпаньем босых ног. Селена соорудила из льна подобие платья, перехватив его алым поясом. На плечах заколола железными штифтами, которые я держал для изготовления ловушек. Сквозило в этом что-то языческое. Мокрые волосы ещё роняли капли, с лица исчезла краска. Выделялись глаза - слишком живые для этого склепа.

— Быстрее бы всё закончилось, — прошипел я себе под нос. — Пускай псы Баффорда собьются со следа, и ты исчезнешь отсюда так же быстро, как появилась...

Селена тем временем слонялась по комнате, будто прицениваясь к моим пожиткам.

— Ваш быт поразительно лаконичен. Здесь всё подчинено ремеслу и искусству выживания. Полагаю, неопытные мечтательницы видят свободу

именно такой - соблазнительным правом оставить бальные залы и удушающие шнуровки.

— Мило... А в твоих книжках пишут, что здесь ты спишь в обнимку с ножом? И что от каждого шороха вместо принца ждёшь городскую стражу? Прекращай этот цирк. Тебе здесь тошно, а мне от тебя - тем более.

Она подошла ближе, достала из складок одежды горсть изумрудов и пару колец.

— Примите это, прошу вас. Считайте это компенсацией за ваше гостеприимство. Малая цена за мой временный покой.

Я взглянул на изумруды. Чистая, густая зелень. Стоимость полугодовой аренды приличной норы в Стоунмаркете. Я старался смотреть на камни, но боковым зрением видел, как раздувается её грудь под тяжёлым льном.

— Оставь себе, — я отодвинул её руку. — В твоём поместье и так было чем поживиться, я не беру дважды за одну работу.

Она не убрала руку. — У любого пристанища есть своя цена, и я готова внести плату прямо сейчас.

Знала бы ты, какая «плата» пришла мне на ум на самом деле...

— Сказал, убери! Я сам выбираю свою добычу, а не жду, пока мне её вручат из милости.

Её пальцы медленно сомкнулись, скрывая камни в кулаке. Она отошла к окну, вглядываясь между досками в темноту улицы.

— У меня ничего не осталось, — слышался шёпот.

Эти слова не прозвучали как жалоба на потерю золота. Скорее на потерю смысла. Должно быть, налёт Баффорда на поместье вытряхнул из неё всё содержимое. Внутри шевельнулось что-то неуместное, вроде сочувствия, которое я тут же задавил. В Городе сантименты обходятся втридорога, а я не привык переплачивать.

— Избавь меня от жалоб, — я поднялся, оставляя отмычку в покое. — Мы оба знаем, какого толка была твоя родня. Рамирез продал бы твою душу Трикстеру ради лишнего процента прибыли. А предложи Баффорд хорошую цену - старик сам бы выставил тебя на торги.

Она обернулась. Взгляд безжизненный, словно я только что ударил по покойнику.

— Я числилась у них ценным приобретением. Сделкой, которую они готовили десятилетиями. Поместья больше нет, их планы рассыпались в пыль. Осталась лишь эта пустота.

— А они были для тебя удобной лестницей. Ты пользовалась их золотом, их головорезами, пользовалась мной - всё ради своей цели. Теперь же пытаешься расплатиться какой-то фальшивой пустотой. Ты змея. Чистокровная и холодная. Ты просто сбросила старую кожу, когда та начала мешать.

Любопытно было бы прощупать, что скрывается под этим льдом, но такие твари не прощают потери бдительности. Одно неловкое движение - и она пустит кровь, даже не сбившись с дыхания.

— Отсидишься здесь, пока шум не стихнет, — отрезал я. — А потом - сама по себе. Я тебе не святоша, не надейся на снисхождение. Ты для меня балласт, и я сброшу его при первой же возможности...

Я осёкся, поймав её взгляд - никакой мольбы или слёз. Только расчётливое, пронзительное наблюдение.

В этот момент стало ясно: она видит, почему я пачусь. Видит, что я держу дистанцию, опасаясь и ножа за пазухой, и её проклятого притяжения. Это знание давало ей перевес.

— Будь по-вашему, — её голова слегка наклонилась. — Я не стану взывать к вашей... совести.

Она скрылась в углу. На лежак опустилась не жертва - скорее хищник, решивший выждать свой момент. Ночь тянулась медленно, а я перестал чувствовать себя хозяином в собственной норе.

Глава 12: Что вскроет аккорд Синчеро?

Спать сейчас? Только если я решил свести счёты с жизнью. Поэтому я сидел у верстака, делая вид, что изучаю карты. Пальцы чертили по улицам, выискивая зазоры между стенами и слепые пятна фонарщиков. Тщетно - мои мысли постоянно возвращались к лежаку. Я слышал её дыхание - ровное, спокойное. Можно подумать, она спала в шелках, а не на вшивой дерюге.

— Мистер Гарретт, — донеслось позади. — Вы изнуряете себя напрасно. Смеем заметить, вода ещё теплая. Не стоит пренебрегать комфортом из-за ложной скромности.

Я и забыл, что рядом сидит критик: меня поймали на «грязном» деле, даже не выходя из дома...

— Помолчи, — я не обернулся. — Твои советы мне даром не сдались.

Я подождал, пока тишина станет вязкой, и скрутил пергаменты. Не глядя в её сторону, двинул к корыту. Вода и правда была тёплой. Я плеснул на шею и грудь, стараясь избавиться не столько от грязи, сколько от самой мысли о том, что эта змея сейчас сидит в моей норе. И уж точно не ради её милостивого благословения.

Закончив с паршивым подобием мытья, я на ходу натянул экипировку на мокрое тело и вернулся к лампе. Ткань липла к коже, раздражение росло. Чтобы голова не вскипела, решил заняться пересчётом трофеев. Я вытащил мешок с добычей из поместья и принялся в нем копаться.

Всё это барахло... одни побрякушки для зажравшихся павлинов. Я отбросил золочёную табакерку.

Рука наткнулась на чехол музыкального инструмента. Вытащив бренчалку, я мельком оглядел отделку: много перламутра и резной кости, мало толку. За неделю она не стала выглядеть дороже. Выдерну камни, а саму деревяшку - на улицу, нищим на завывания.

— Позвольте. — Селена вдруг приподнялась на локте. — Могу ли я взглянуть на эту лютю? Перед вами творение великого Синчеро, выполненное по особому заказу отца много лет назад.

Я толкнул инструмент в её сторону.

— Всё равно с ней больше возни, чем прибыли.

Лютя легла в её ладонь как влитая. Такую уверенность не украдёшь. Она подтянула струны и села обратно на лежак.

— Не побеспокоит ли вас излишний шум?

Я откинулся на спинку стула. Вытащил из кармана яблоко и начал им хрустеть.

— Без разницы. Сейчас в Городе такой бардак, что хоть на барабанах лупи - никто не заметит.

Аккорд ударил наотмашь, заставив меня забыть про еду. Звук заполнил всё пространство, разом вытеснив тишину. Ничего общего с кабацким пиликаньем. Пальцы чеканили ноты одну за другой, работая без единого лишнего движения. Из лютни вылезало всё то, что она прятала за своими шпильками: гнев и какая-то застарелая дрянь. Раньше это едва читалось в её взгляде, а теперь шло напролом.

— Неплохо, — хмыкнул я, когда всё затихло. — Для девицы, которая всю жизнь перед зеркалами крутилась, у тебя довольно крепкая хватка. Сколько наставников до падучей довела?

Селена опустила лютню. Грудь поднималась при каждом вдохе, а щёки залила краска.

— Струны распознают фальшь в сердце прежде, чем вы нащупаете чужой кошелек. Благодарю за то, что позволили мне... снова услышать саму себя.

Змея, чей настоящий талант не в укусах. Она умеет вскрывать людей изнутри, заставляя не просто слушать бренчанье, а верить ему.

— Ладно, хватит зубы заговаривать, — мой голос остался холодным.

Несмотря на мой тон, её слова продолжали липнуть к нутру. В тишине капли воды с потолка начали молотить по слуху. Каждый всплеск напоминал мне, что время идёт, а я всё больше теряю контроль. Казалось, что меня вытолкнули из тени прямо под свет факелов - без оружия и без плана.

Я кашлянул, прочищая горло, а заодно и мысли. Получилось не очень - голос прозвучал глуше, чем я рассчитывал.

— Есть вопрос, маэстро. Ты прекрасно знала, что я пойду потрошить сейфы твоего отца. Почему не дала убийцам сделать свою работу?

Селена молчала. Решала, идти ва-банк или взвинчивать ставки. Я приготовился слушать очередные рассказы.

— Скажите, что в вашем понимании есть клетка?

— Клетка? — я невольно сжал зубы. Перед глазами выросли каменные стены. — Всё просто: если пути отхода отрезаны - ты в клетке.

Она прикрыла глаза, будто я верно ответил на вопросе.

— Вы - живой символ строптивости. Отец был готов озолотить любого душегуба, столкнувшись с вашим очередным отказом. Вы дорожите своей свободой больше жизни, но она чересчур пленительна, чтобы оставить какое-либо право выбора. Позвольте полюбопытствовать, маэстро теней: так ли вы свободны на самом деле, когда ваш удел - просто право скрываться по грязным углам?

В этом что-то есть: она обладала властью, которой мне никогда не понять. Пока я закрываюсь на все засовы перед каждым встречным, чтобы не получить нож под лопатку, она держит этот сброд одним взглядом. Я свободен в своих действиях, оставаясь в тени. А она - даже когда на неё смотрят десятки глаз... Стало не по себе. Эта ведьма будто в голову мне залезла.

— Вы думаете, мне знаком вкус подлинной свободы? — она криво усмехнулась. — Пусть прошлая жизнь и рассыпалась в пыль, цепи всё так же тянут меня к земле. Существуют клетки без видимых прутьев. Мой застенок всегда был внутри меня.

Она прижала ладонь к груди, не сводя с меня глаз. В её взгляде было нечто такое, чего я не мог понять. Я почувствовал, как мои барьеры начинают трещать. Ситуация становилась опасной. Я встал, скрежетнув стулом по полу, чтобы хоть как-то перебить эту тишину.

— Знаешь что, миледи? Многовато слов для одной ночи. Обычная пытка сэкономила бы нам часы болтовни. Под ножом люди становятся на редкость правдивыми. Ты бы и сама не заметила, как выложила всё до последнего секрета.

Я выплюнул эти слова ей в лицо, словно проклятие. Я давился злобой на себя за то, что подставил уши под этот бред. Селена слегка качнула головой, зная, что я просто сотрясаю воздух. Врать себе было поздно: она меня вскрыла.

— О чём я и сокрушаюсь. Ваше безверие - вот истинная цитадель. Оно сработано искуснее любого затвора, что выходил из кузниц Хаммеритов.

Она вцепилась в меня взглядом.

— Мистер Гарретт, неужели вы всё ещё сомневаетесь? — она выдержала паузу, картинно обводя рукой логово. — Мой дом разорён, а родители мертвы. Меня преследуют, точно редкого зверя, дожидаясь часа для последнего удара. Я стою перед вами босая, не имея ни власти, ни гроша в кошельке. Какой подвох вы надеетесь найти в моих словах?

— С чего бы мне тебе верить? — я смотрел на трещины в полу. — Ты дочь Рамиреза, у тебя те же зубы.

Селена встала. Шуршание ткани было слишком громким. Сделала шаг, потом другой. В висках гулко застучала кровь - так бывает за секунду до срабатывания ловушки.

— Ваше недоверие - лишь щит, под которым прячется страх, — шептала она, скрадывая расстояние. — Вы боитесь не меня, а искушения, что несёт в себе эта беззащитность. Здесь некому прийти мне на помощь, и ваши руки, привыкшие к кражам недосягаемого, уже знают, что делать. Вам ведь ничего не мешает. Всего один порыв - и я окажусь на этих досках, раздавленная вашей силой. Вы ведь уже вкусили каждый миг в своих мыслях, не так ли?

Картинка обожгла: я срываю это тряпье, её спесь сменяется стонами... Я резко осадил мысли и начал выискивать подвох, который она так умело пыталась мне скормить. Она лезла на рожон осознанно. В чём её игра?

— Хорошая попытка. Только я помню две окровавленные туши в спальне. Становиться следующим в списке твоих «бывших фаворитов» - удовольствие на любителя.

Она парировала мгновенно.

— Джейкоу и тот бедолага... они посягнули на хозяйку поместья. — Она остановилась в полушаге. — Сейчас у меня нет ничего, кроме этого воздуха между нами.

Взгляд против воли зацепился за ключицы над серым льном, задержался на губах. Чёрт бы их побрал.

— Это может быть очередной фокус. Ты мастер морочить голову.

— Так утолите своё любопытство. Убедитесь, что я лишена опоры. — Она стояла почти вплотную. — Или вы боитесь, что ваше чутьё спасует перед безоружной?

Ноги будто стали свинцовыми. Капкан захлопывался. Он был замешан на запахе роз и её треклятой покорности.

— Напрасно ты ищешь здесь приключений, — я прохрипел это, чувствуя, как руки сами тянутся к ней. — В моём логове нет правил, кроме моих. Ты сама закрываешь за собой засов.

Пальцы задели её платье. Жду выпада. Ещё немного, и сверкнёт из ниоткуда стилет или она вцепится мне в глотку...

— Я хочу познать нечто более живое, чем страх, — её дыхание коснулось моего лица. — И если ценой тому - полное разорение моей души и плоти... признайте же, Мистер вор, что сделка более чем щедра.

Глава 13: Мираж алого следа

Разум заволокло мутью. Я оцепенел, как дилетант перед ювелирной лавкой: не зная, то ли бить стекло, то ли бежать, пока не скрутили.

— Ваша заминка почти очаровательна. Если вы опасаетесь моего коварства, я сама сниму этот груз с ваших плеч и подарю забвение.

Селена мягко отстранилась. В освободившееся пространство сразу же хлынул холодный воздух. Она зашагала к моим стеллажам.

Ну вот. — Я потянулся к скрытому кинжалу в рукаве. — *Сейчас ты выудишь какое-нибудь припрятанное жало или отравленную иглу и кинешься на меня.*

— Позвольте вручить вам абсолютную свободу. Поверьте, это будет самое лёгкое избавление в вашей жизни. — Она коснулась мотка пеньковой верёвки.

Я хмыкнул, стараясь, чтобы голос не выдал напряжения.

— Не трать время. Тебе не хватит сил задушить меня. Лезвия рядом, если тебе так приспичило убить меня сейчас.

Ни слова в ответ - лишь возня с верёвкой. Внезапно мне почудилось... Нет, точно! Тот самый приторный дух из её спальни, который ни с чем не спутаешь. Откуда? Может, он впитался в её кожу? Или мой рассудок вконец помутился? По спине пробежал холодок.

— Где бы вы предпочли, мистер Гарретт?

— Ты о чём вообще?

— Я спрашиваю о ваших эстетических предпочтениях. Где вам будет удобнее обрести полноту власти? Желаете ли вы подойти к лежаку... или, быть может, вам больше импонирует этот верстак?

Верстак? Как стол в твоей спальне и лужи крови на ковре?

— К чёрту верстак, — отсёк я, сам не ожидая такой резкости. Тут же поправился. — Иди к лежаку... Там хоть пыли меньше.

Я мысленно отвесил себе оплеуху за такую поспешность.

Она выдала по-актёрски выверенный кивок. Так ведут себя те, кто прорепетировал каждый вздох. Она принялась расставлять свечи. На мгновение показалось, что огонь выцвел, окрасив стены белым светом. Моргнул - пламя снова потеплело.

Улеглась.

— Будьте любезны, завяжите их, — она протянула вперёд верёвки. — Так я лишусь всякого контроля, а вы получите его сполна. Разве не к этому стремится тот, кто привык забирать чужое без спроса?

Во рту пересохло. Полная безопасность в обмен на пару узлов - слишком заманчиво. Я подошёл к ней и взял верёвки. Этот чумной дурман из поместья травил сильнее пойла.

Пенька начала укладываться в кандалный узел зеркальным переплетением. Такое не развяжешь, даже со спрятанной отмычкой в зубах. Молчание стало невыносимым, и я выдавил из себя вопрос:

— Что-то здесь не сходится. Тебе бы сейчас притаиться, пока ищейки роют землю. А ты тут... в рабыню играешь. Где подвох в этой дешёвой постановке?

— Позвольте, я вам настолько несимпатична? — она прикинулась обиженной. — Я думала, Мастер-вор умеет ценить редкие вещи. А вы даже не смотрите на меня.

Я завязал петлю на правой руке.

— Доиграешься. Не жди благородства. Мне ничего не стоит обойтись с тобой как с девкой из портового кабака.

— Так в чём же дело? — она чуть подалась вперёд, насколько позволяли верёвки. — Что удерживает вашу руку?

— Расчёта не вижу. Ты - девица непростая. Могла бы выгодно продать себя любому лорду за жизнь и титул. А вместо этого навязываешься безродному псу. Это просто неразумно.

На долю секунды сквозь маску фальши проступило смятение.

— Ваше беспокойство о моей участи льстит мне. Однако моё достоинство сгорело вместе с моим домом. Осталась лишь эта ночь. И вы - единственный, кому я ещё могу верить. Или кого могу ненавидеть.

Стоило затянуть узлы над её головой, как дышать стало легче. Теперь она была частью обстановки - связанная, лишённая козырей. Я снова стал хозяином положения. Надо было сделать это ещё на пороге...

И впрямь. Всё чин по чину. Можешь расслабиться, Гарретт. Ты снова в понятном мире, где вещь либо заперта, либо уже стала твоей.

Пора уже было пустить инстинкты в дело. Старый тюфяк хрустнул под моим весом.

— Торг окончен, — процедил я, нависая вплотную. — И не жалуйся на колючую солому и грубые руки. Получишь ровно то, на что нарывалась.

Её запах вперемешку с пенькой ударил в ноздри плотным комом. С этим вдохом воровская сдержанность полетела к чертям. Я сжал её кожу - горячую, настоящую. Мои руки действовали жёстко, сдирая слой за слоем её холёную дурь. На мгновение я запнулся о неопровержимый факт - чистый самородок, который никак не ждёшь вытрясти из такой прожжённой лгуны. Но азарт уже вёл меня дальше. Я присваивал эту добычу, втапывая её в грязные тени своего логова.

Потом осталось только рваное дыхание и навязчивое чужое тепло.

Проклятье, оно того стоило...

Усталость навалилась свинцом. Здравый смысл твердил, что сон рядом с хищником - это способ вовсе не открыть глаза. Но в голове уже всплыла последняя зацепка: *«Ничего... Руки-то у неё привязаны. Не дёрнется»*. И с этой идиотской мыслью я провалился в тяжёлое забытьё, уткнувшись лицом в её шею.

Глава 14: Честная грязь

Пробуждение вышло мерзким: сердце ухало в рёбра, во рту - сушь. В моём обычно ясном уме сейчас плавала бурда, которую лениво помешивал пьяный кабатчик.

Ну ты и таффер... Любая крыса из подворотни могла бы безнаказанно вогнать тебе кинжал в бок.

В логове всё ещё стояла темень. Свечи догорали, фитили плавали в лужах воска.

Я поднял голову и поймал немигающий взгляд Селены. Она смотрела на меня обманчиво мягко, с торжеством в глазах.

— Вы так крепко спали, — она вывела паточным голосом. — Я боялась потревожить ваш покой своим дыханием. Внимательность вора должна быть безукоризненной... Быть может, я излишне вас утомила?

Я посмотрел на её запястья.

— Что за? — я приподнялся на локтях. Её руки были свободны! Верёвки валялись на лежаке бесполезным хламом... Я тотчас возвратил холод мыслям. — Плохой узел или скользкие руки?

Селена озадаченно заморгала, разыгрывая недоумение.

— К чему это, мистер Гарретт? Вы же сами освободили меня глубокой ночью. Помните слова о том, что моя кожа не для грубых верёвок? С какой нежностью развязывали каждый узел... Неужто ваш пыл стёр эти мгновения из памяти?

Ответ не находился. Совсем нюх потерял, раз не чую, где заканчивается сон и начинается петля.

— Твоя игра начинает меня утомлять. Сразу видно, честность - единственное, что у тебя не получается имитировать.

Я сполз с лежака и побрёл к корыту. Селена развалилась с видом какого-то тошнотворного блаженства. Удар холодной воды в лицо привёл в чувство. Я уставился на свои руки. Обычная рабочая ржавчина: под ногтями - вьёвшаяся гарь, локти в серой дряни.

— Немного разбавил твою стерильность, — бросил я через плечо. — Теперь ты пахнешь не помещьем, а дешёвкой из подворотни. Выбилась в люди, не иначе.

— Какая жалость - теперь и вы пропали моим благородством. Не бойтесь, что дух добродетели разъест вашу кожу? — Даже сейчас умудряется поддеть своим аристократическим жалом... — К слову, мистер Гарретт, я всегда считала, что честная грязь куда достойнее фальшивого блеска.

Я замер с щепкой в руках. Может, на этот раз не юлит? Тряхнул головой, сбрасывая эту муть. Чтобы не раскиснуть полностью, занялся проверкой снаряжения. Сталь и вощёная древесина не врут, в отличие от змей с вкрадчивым шипением.

У верстака самообладание возвращалось. Стрелы проходили через пересчёт: острые, моховые, водяные. Дальше мины: взрывные, газовые... Я невольно провёл параллель. Газ просто вырубает, а эта девица работает изощрённее: вскрывает без отмычек, вынуждая добровольно отдавать ключи. И оставляет в сознании, заставляя в деталях смаковать каждое мгновение этого позорного грабежа. Настоящее профессиональное скотство.

Она сидела у окна, накинув мою старую рубаху, и что-то быстро царапала на клочке бумаги. Зрелище - врагу не пожелаешь. Примерная семейка в захлавленной дыре. Не хватало ещё благословения на промысел и похлёбки по возвращении. Нелепее балагана не придумаешь...

Мне осточертело ждать подвоха. Осторожность кормит вора, но сейчас от неё разве что пухла голова. Селена могла расквитаться со мной, пока я был в отключке. Почему она сдержалась? Очередные игры богатеев? Мараться в их грызне - пустая трата времени. Надеется надавить через Фракции? Хранители, Хаммериты, Язычники - просто разные способы пудрить мозги. Работа за идею - не мой профиль.

Я ведь не приставлял нож к её горлу и не ломал её - на это хватило бы любого уличного костолома. При этом я умудрился залезть к змее в логово и вернуться живым. Она сделала ставку, я ответил своим ходом. Но ни на чью победу это не тянуло.

У неё сейчас лучший момент, чтобы выставить счёт: «выведи меня за ворота», «убей Баффорда», «отдай своё золото». Ничего, кроме скрипа пера по бумаге.

— Эй. Давай начистоту. Что ты вынюхиваешь в моих карманах? Я подписался придержать тебя в тени, пока облава не схлынет. Зачем тебе сдалась эта возня на соломе? — я усмехнулся. — Дороговатый фокус, чтобы усыпить одного вора. Попахивает чем-то из арсенала Башни магов. Угадала с адресом или просто самоучка?

Перо остановилось. Селена подняла на меня тяжёлый взгляд.

— Возможно... Однако как досадно, что моей бесстыдной откровенности не хватило, чтобы купить ваше скудное доверие. — Она подошла ближе.

— С доверием лучше идти сразу к гробовщику.

— В таком случае оставим церемонии. Давайте сыграем по-настоящему: ставлю свою жизнь против вашей.

Она потянулась к верстаку, где лежал запасной кинжал. Я сработал на опережение: заломил её кисть, выхватил клинок.

— Тихо, не дёргайся, — я прижал её локоть к столу. Свободной рукой прошёлся по складкам одежды, проверяя, не припасла ли она лишнее жало. Убедившись, что она «чистая», чуть ослабил хватку.

— Какое проворство. Я не сомневалась в вашей сноровке. Но игра в другом.

Она аккуратно высвободилась из захвата. Понимала: любое резкое движение - и я прирежу её на автомате.

— Шаг назад, — я направил лезвие в её сторону. — Встань там, где я тебя вижу.

Селена неспешно подчинилась. Её пальцы перебрали моховой наконечник стрелы, лежащей на краю стола. Вид этого безобидного копошения заставил меня немного остыть.

— Что, забьёшь мне рот этой травой? Ты на моей тетиве скорее повесишься, слишком тугая для тебя.

— Вы пренебрегаете очевидным. Я выросла в доме, где воровские инструменты ценились выше фамильного серебра...

Ситуация была зажата в моем кулаке: путь к оружию перекрыт, а появившись у неё хоть сабля из воздуха - я бы вскрыл девицу ещё на замахе. Я просто ждал, где она оступится.

— ...Но порой снаряжение таит в себе сюрпризы, о которых не догадываются даже признанные мастера.

Дальше - дичь: она резко взвела газовую мину и с силой вогнала моховую стрелу прямо в распределитель. Раздался натужный свист. Мина дёрнулась, зашипела, но сработать ей помешал мох, разбухший внутри механизма. Я пытался переварить этот абсурд. Накормить мину сорняками - до такого не додумались бы даже Язычники.

— Что ты творишь? — я отпихнул её назад, подальше от стола. На всякий случай окинул взглядом полку рядом с ней: пакля, лютя, обрезки кожи - ничего опасного. — Это тонкая механика, а не игрушка! Ты хоть представляешь, как трудно достать такую мину? Думала отвлечь меня этим пшиком и прорваться к железу? Шаг сделаешь к этажеркам - и ты труп. Никакая магия не поможет, или что ещё у тебя там припасено.

— Прошу вас, не гневайтесь... — понеслось её нытьё. — Я не посмею коснуться вашего оружия.

Я склонился над миной, выковыривая мох и пытаюсь усмирить механизм. Спустить ходовую вещь в выгребную яму из-за такой дурости - это уже за гранью.

— И к чему этот спектакль? — я нащупывал стопорный рычаг под толщей мха. — Сработай эта штука, сама бы захрапела носом в пыльные доски. Ты всегда торгуешь театральщиной вместо логики?

— Вы правы, я проявила вопиющую неосторожность. С такой тонкой работой нужно обращаться бережнее. Больше я так не рискну.

По шее скользнул холод металла...

Лезвие едва касалось кожи, но уже нащупало жилу...

Я замер.

— Ловко... — прошептал я. — Откуда это?

— Лютня, мистер Гарретт, — издевательски пропела она мне в затылок. — Гриф скрывает в себе тайник, о котором знает лишь владелец. Мне показалось излишним посвящать вас в эту маленькую тайну. Боюсь, в противном случае ваше прискорбное недоверие стало бы и вовсе невыносимым.

Я повернул голову, встречая её прямой, ледяной взгляд.

Вот и занавес, Мастер-вор... Красиво ложишься - от собственной добычи, под бабьи сказки. Глупее помереть просто невозможно...

Я выдохнул, чувствуя, как сталь впивается в кожу. По шее сползла пара горячих капель.

— Признаю: развела, как ротозея на блестящую пуговицу. Резать будешь сразу или у тебя есть более выгодное предложение?

Селена выжидала, растягивая момент. В её глазах было слишком много понимания: она выпотрошила меня одним взглядом ещё до того, как нож коснулся шеи. Сталь покалывала, напоминая об ошибке.

— Вот она - истина. Ваша жизнь трепещет на кончике моего кинжала. Но раз я медлю, значит, у судьбы на вас иные виды. Смирите свою гордыню. В этот краткий миг между вдохом и вечностью у вас не осталось другого выхода, кроме веры моим словам.

Она шагнула ближе.

— И если это откровение всё ещё не находит в вас отклика, я добровольно отдаю свою участь на ваше усмотрение. Распоряжайтесь.

Я не шевелился. В голове не укладывалось: вор зажат в углу, а его палач предлагает сменить роли?

Селена опустила кинжал. Её руки скользнули к моим, всё ещё сжимающим проклятую мину. Одно движение в пазах погасило шипение. Газ остался запечатан внутри.

В её жестах вдруг появилась пугающая мягкость. Она вложила оружие в мою ладонь и накрыла мои пальцы своими, заставляя сжать рукоять.

Внутри меня сорвало какую-то задвижку...

Я ощущал её дыхание у своего уха, наблюдая за сомкнутыми пальцами.

— Смею надеяться, что теперь ваше недоверие исчерпано. Ибо если нет, то единственное доказательство моей честности - это действительно принять смерть от вашей руки.

Я поднялся, грубо отряхивая штаны. Сглотнул, пытаюсь избавиться от сухости в горле.

— Хватит чушь нести. Не хватало ещё возиться с тобой мертвой. Убирать замучаешься.

Задержавшись у верстака, я с подчёркнутой медлительностью убрал свои клинки. Это был мой ответ - подставленная под удар спина. Селена вернулась к своему письму, а я снова зарылся в снаряжение, сделав кожаные ремни наручей единственным, что сейчас заслуживало внимания.

В отлаженном ходе мыслей заскреблось что-то лишнее, чему не было места в моих расчётах. И что делать с этим бардаком внутри, я понятия не имел. Профессионал, нечего сказать...

Глава 15: Порода и ржавчина

Серый утренний свет просачивался сквозь щели окна, проявляя бледные контуры Селены. Волосы были растрепаны, из-под рубахи выглядывало плечо с тёмными пятнами от моих пальцев. Одной рукой она вела строку, другой обмахивалась чёрным веером.

Из прошлого посыпалось всякое... Не то чтобы я любил копаться в этом навозе, но архив вскрылся без спроса: вот мелкий оборвыш, что доставлял послания и срезал кошельки, лишь бы брюхо не прилипло к спине. Потом - Хранители... Гнилые философы со своим высокопарным вздором о пророчествах. Они вытащили меня из безнадёги и научили «слышать шёпот камней» только для того, чтобы позже дёргать за ниточки. Вычеркнуть себя из их сказок и уйти было самым верным решением.

Я всегда работал один, и менять это не собираюсь. В Городе ты либо сам рвёшь глотку, либо её рвут тебе. Контакты сдадут страже, если цена покроет их выпивку на неделю, а наниматели спутают выплату с ударом кинжала. Доверять себе - единственная сделка, в которой меня ещё ни разу не обсчитали.

Появившаяся словно из-за угла дочь Рамиреза загадила этот уютный мрак. Иронично: ведь именно я вымел закрома её отца, оставив его с дырой в кармане и петлёй на шее. А Баффорд сидел и ждал, чтобы догрызть остатки и взобраться повыше на костях её семьи. Я был тем самым камнем, который вызвал этот обвал. По-хорошему, девчонка должна была желать моей мучительной смерти.

Вместо этого она сидела под боком, как ни в чём не бывало. И это ещё не всё: она, чёрт подери, доказала, что моя смерть не входит в её планы.

Как назло, я начал ей верить. Паскудное, липкое чувство. Будто я нашёл на мостовой набитый кошель и вдруг решил догнать владельца, чтобы вернуть потерю. Хороший повод проверить голову у лекаря.

Я отложил снаряжение и подошёл к ней.

— Хм. Рассудил... Выведу тебя, потому что так надо. Помогу скрыться от Баффорда. На деле.

Мои слова вышли кривыми, как сломанная отмычка. Селена отложила письмо. Поднялась, спрятав веер в карман рубахи.

— Гарретт, вы даже не представляете, что для меня значит этот момент. Всю жизнь я томила в клетке, но сегодня оковы наконец пали. Благодарю, что решились довериться мне.

Я выдавил подобие улыбки. Язвить не хотелось, и от этого становилось не по себе.

— Оковы ты сорвала, теперь смотри не влети в новые. — Я накинул плащ. — Прогуляюсь по верхам. Сиди тихо. Запру тебя снаружи - для надёжности.

— Пожалуйста, будьте осторожны, — прошептала она.

— Угу... — натянув капюшон, я шагнул в темень коридора.

Глава 16: Шаги в тумане

Туман забил улицы до самых крыш, на капюшон падали редкие капли. Звук моих шагов тонул в вязкой слякоти. Я шёл быстро, считая плечами выступы зданий, и выискивал баффордских прихвостней. Нужно было прикинуть плотность оцепления. Наёмный сброд всегда болтает лишнее, стоит им собраться в кучу. Лучшего способа прибрать к рукам новости в этом Городе ещё не придумали.

Я наткнулся на них в тупике у храма Святого Эдгара. Двое громил грелись у бочки с огнём. Из собора доносился глухой бой молотов - эти помешанные Хаммериты никогда не спят. Я втиснулся в нишу между статуями.

— ...говорю тебе, чурбан! Баффорд - хитрая сволочь. Жопы морозим, делаем вид, что рыщем, а он прибрал девку к рукам, пока старик ещё остывал. Держал на коротком поводке.

— Это в поместье Рамиреза, что ли?

— Трикстер мне в печёнку, ну не на балу же! Захлопни уже пасть и вбивай в свою тупую башку! Баффорд накрыл девку в вестибюле - скулила над мамашей. Приставил нож к горлу и выставил ценник: потроха подонка Гарретта в обмен на свободу. Дошло до тебя, ошмёток?

— Дошло! Чего завёлся-то? Я ж тогда на втором этаже околачивался, не видел, как он её за шкурку волок... Ну и чё, сразу слюни потекли?

— Как из пробитой бочки! Слюни, вой, клятвы - всё в одну кучу. Дебил ты! Она же спит и видит, как бы пустить Гарретту кровь - тот раздел её папашу до костей. Ей всего-то и надо: строить из себя жертву, лить ему в уши мёд, раздвинуть ноги, если он захочет платы... — второй наёмник захлебнулся гоготом. — А когда крысёныш расслабится в своей норе, она свистнет капитану, и мы захлопнем капкан...

В меня будто плеснули помоев.

Ледяная ярость поднималась к горлу. Та щель в броне, которую я по собственной дурости оставил открытой, теперь жгла раскалённым металлом. Засада. Старая и вонючая, как потроха буррика. Выходит, каждое её «благодарю» было по сценарию.

Я снялся с карниза. Злость на этих псов внизу была ничем по сравнению с тем, как я презирал себя сейчас.

Но мне нужна была уверенность, а не мусор в голове. Одной такой байки было мало. Второй раз я услышал то же самое через пару часов, у оружейной лавки.

— Кукла уже прикормила его. Ждём отмашки. Скоро этот висельник проснётся в кандалах...

К спине лип холод мокрого камня. Пришлось выждать минуту, давая мыслям прийти в порядок...

Какая ты всё-таки породистая змея... И яд у тебя, надо полагать, тоже высшего сорта.

Доверие сдохло, и поделом. По дороге к логову включился трезвый расчёт. Первая мысль была простой: зайти и прирезать. Поглядеть, как она захлебнётся собственной ложью прямо на моём лежаке.

Нет, обойдётся. Мои ладони привыкли к грязи, но мараться об неё - слишком много чести для этой гадины. Я просто выброшу её на мостовую. Прямо к «хозяевам».

Запомни раз и навсегда, таффер, — твердил я себе, сжимая в кармане отмычку. — Никаких соплей. Только тени.

Шаг в логово был тихим и злым. Она сидела у окна, перебирая струны лютни. Музыка теперь отдавала дешёвым кривляньем. В мыслях я уже прошёл её насквозь, вспарывая на ней мою же рубаху.

Я стоял и молчал...

— Гарретт? Не ожидала вас так скоро. — прозвучало невозмутимо. Она не оборачивалась. — Не хотите ли послушать ещё раз ту мелодию, что скрасила наши часы минувшей ночью? Она так и просится на волю...

Она врезалась в мой взгляд, и улыбочка вмиг слетела с её физиономии.

— Что... что случилось? Неужели засада преградила вам путь? Вы ранены?

Бросилась ко мне, протягивая руки. Как трогательно. Боится, как бы её последний шанс на помилование не подох раньше срока.

Змея не успела приблизиться. Одним коротким толчком я отбросил её прочь. Она споткнулась о табурет и повалилась на пол.

— Помилуйте! Я не нахожу причин вашего гнева! — дрожь в голосе не мешала ей играть в госпожу. Того и гляди подаст знак слуге вынести чашу вина... — Гарретт, чем я заслужила такую немилость?

— Гладко сработано, — я усмехнулся. — Сколько Баффорд отсчитал за мою голову? Кошель золота? Или ты просто надеешься, что тебя не притопят в нужнике вместе с памятью о твоём старике?

Она покачала головой, в глазах - слёзы. Спектакль для дурачков.

— Гарретт, выслушайте меня! Клянусь Строителем и прахом всего, что мне было дорого. Честность...

— Хватит. Я не ценитель драмы. Твоя «честность» - это взнос за право смотреть, как меня потрошат.

Она дёрнулась было встать, но вид вытащенного кинжала пригвоздил её к доскам. По щекам поползла пара мокрых дорожек, которые, по её расчёту, должны были выжать из меня жалость. Залепетала.

— Вы были единственным честным человеком... Нет, свобода была моим единственным желанием...

— Красивая сказочка. Расскажешь её пьяным шлюхам.

— Снаружи люди Баффорда... Я в их власти...

— Очень рад, — я скинул промокший плащ. — Туда тебе и дорога - в самый паршивый притон в Доках. Исчезни. Пока вор во мне не уступил место убийце.

Она застыла, таращась на меня круглыми глазами. Взвесив, что жизнь дороже гордости, кивнула своим мыслям и двинулась к выходу.

Когда её рука уже коснулась засова, я сообразил: эта змея узнает путь. Она разрисует Баффорду весь маршрут до моей двери в мельчайших деталях, и к обеду здесь объявится толпа его головорезов. Настоящий подарок для того, кто хочет насадить мою голову на пик. А срываться с места, чтобы искать новое логово, в мои планы не входит.

— Свобода - штука дорогая, — бросил я, уже сокращая расстояние. — Но ты за неё ещё не расплатилась.

Рукоять кинжала ударилась о её затылок, и обмякшее тело осело мне в руки. Очередная улика, которую нужно было сбросить. Я перекинул её через плечо. Длинные волосы хлестнули по щекам, обдав смрадом цветов.

Я вывалился на улицу. Огляделся, прикидывая, в какую бы дыру сбросить груз. Удача любит профессионалов: за углом разворачивалась крытая повозка. Из-под брезента тянуло хлебом. Единственная дорога в это время суток отдаёт такой приторной сытостью - из пекарен Стоунмаркета прямоком в бездонные глотки Хайтауна.

Повозка притормозила на повороте, обходя глубокую лужу. Я выскользнул из тени и, пригнувшись под весом ноши, в два шага поравнялся с бортом. Её тело рухнуло за край, скрывшись среди корзин с провизией.

Приятного аппетита, тафферы, — я развернулся и зашагал обратно. — Блюдо с горчинкой...

Засовы отрезали уличную хмарь. Я рухнул на стул. Выудил из-под стола запылённую бутылъ эля. Пробка вон, за ней - глоток. Эль был горьким, как честность аристократки, и с тем же успехом красил день.

В мишень один за другим полетели ножи. Каждый удар стали о дерево выбивал из головы бредни о вере во что-то там эфемерное.

Тени. Только тени. Они не лгут. Они не обещают спасения, пока ищут, где поострее заточен топор...

Когда стемнело, в четырёх стенах стало не усидеть. Злость никуда не делась - осела внутри мёртвым грузом и мешала соображать.

Носок сапога случайно зацепил её тряпье - кусок льна, который я пустил по швам прошлой ночью. Оттолкнул в сторону, как дохлую крысу. Рядом лежали изумруды, предъявленные в качестве платы. Прошёл мимо. Взгляд наткнулся на сумку. В приступе дешёвой драмы змея просто оставила её здесь. Собирался отшвырнуть в угол, но из незатянутой горловины с глухим стуком что-то вывалилось. Под ногами лежала небольшая деревянная шкатулка. Заперто. По лицу поползла ухмылка.

Ну надо же, замок... Похоже, ты никогда не успокоишься, пока не вскроешь весь этот Город.

Я вытащил отмычки. Руки работали сами, привычно проверяя пружины. Механизм был с секретом, ничего особенного. Через минуту крышка открылась.

Внутри - стопка бумаг в мелких каракулях. Знакомые листы. Марала их недавно, прямо у меня под носом.

Я зажёл свечу.

Взгляну-ка на твой настоящий почерк, миледи. Надеюсь, там светлые стихи? Мне особенно интересны те куплеты, где ты расписала цену моей головы.

Глава 17: Меню для павлина

Я читал обрывками, просто чтобы еще раз полюбоваться на собственную слепоту. Прочитанное тут же отправлялось в пламя. Бумага чернела, а вместе с ней - моя уверенность, что я хоть что-то понимаю в людях.

На первых страницах - сопливые опусы про поместье. Всё написано в той самой фальшивой манере. Ну хоть это совпало. Очевидно, врать их там учат раньше, чем ходить.

Очередной пустой вечер, тонущий в блеске канделябров и аромате притирок. Я кружилась в танце с лордом Даллмором, вымучивая улыбку в ответ на его скудоумие. Отец знает: завтра этот вельможа будет у него в кулаке. Моя любезность - приманка, а я - ловчий, затягивающий петлю на шее новой жертвы ради процветания нашего дома.

Живой товар. Схема работает как часы.

Отец купил мне новое платье из шелка - наряд, стоивший целое состояние. Он изволил назвать это «необходимым вложением». Моя красота - козырь в его делах, инструмент для его бесконечных амбиций...

Город уверен, будто я только и способна, что плести сети из интриг и многозначительных взглядов. И я усердно подыгрываю им. Я расточаю лесть и одариваю улыбками тех, кого втайне презираю. Эту роль я играю безупречно.

Всё так. Змея в дорогой обёртке.

На следующей странице перо пробивало бумагу почти насквозь.

Я презираю их всей душой. Твари, для которых родная дочь - лишь способ приумножить богатство. С утра до вечера мать наставляет меня в искусстве лжи, отец - в ремесле предательства.

Я хмуро кивнул строкам. Рамирез и его жена стояли друг друга.

В моих руках - вожжи отцовских наемников, в моей памяти - все тайные и грязные секреты Гильдии. Но есть ли у меня выбор? Иного мира я не знала с колыбели. Рождённая среди этого тлена, я смиренно учусь выживать по его законам. Моё мастерство - единственный щит. Стоит мне на миг утратить свою пользу, меня без какого-либо сомнения выбросят на камни мостовой, как сорную траву под копыта лошадей.

Хм, я-то в тени ушёл добровольно, а её в профессию кукловода загнали пинком.

Я ищу спасения в музыке. Струна не умеет лицемерить. Она либо звучит истинно, либо рвется. Моё сердце сковано ледяным одиночеством. Вокруг сотни лиц, однако я накрепко заперта в своей роли. Любая моя искренность будет принята за очередной манёвр в бесконечной игре. В этом предательском высшем свете у каждого за пазухой затаён кинжал.

Знакомый холодок. Когда один на один с мыслью: ошибся - и труп.

Он вновь пребывает в ярости из-за дерзкого отказа Гарретта. Отец одержим желанием укротить этого зверя, ведь он не привык, что кто-то идет против его воли. В Гильдии лишь грызуны, мечущиеся между подобострастием и братоубийством...

Что же ты за создание такое, Гарретт? Как тебе удастся хранить верность самому себе, пока весь Город преклоняет колени? Среди зловония этой ямы ты - редкий порыв свежего, непокорного ветра.

Просить разрешения чихнуть - удел слуг. А я чихаю на самих хозяев.

Он предоставил мне свою сеть осведомителей и велел подготовить план для душегубов, выдать твои тайные тропы и привычки... Я решила спасти тебя. Чистое безумие. Если отец прознает о моей измене, меня ждет лютая и медленная смерть. Позволю себе рискнуть. Ты - из тех редких вольных людей, кого я встречала. Раз мне суждено оставаться в клетке, то пусть хотя бы ты будешь на свободе. Я укажу им ложный след.

Я перестал жечь бумагу.

В твоих словах тот же яд, что и у всех вокруг - полное безверие. Было очевидно: скажи я правду - ты бы счёл это искусным коварством...

Мне пришлось вновь стать той Селеной, которую из меня вырастили. Утешает то, что мое притворство перед отцом помогло тебе уйти.

Проклятье... Ты ведь тогда была на моей стороне... Ладно, посмотрим, за сколько ты решила сбить себя Баффорду. Наверняка выставила ценник повыше.

Империя рушится, а Баффорд уже расставил силки. Я побоялась уйти с тобой сразу... Струсилась вырваться из клетки, боясь, что ты мне всё равно неверишь... Какое ничтожное малодушие! Но именно твоя свобода дала мне сил. Теперь я готова сжечь всё дотла, чтобы очиститься от прошлого.

Дальше шёл почти военный набросок: горючие составы, рычаги, подвалы. Она решила не просто сбежать, а спалить всё к Трикстеру вместе с фундаментом.

Мои родичи были убиты у меня на глазах. Баффорд упивался моим унижением и попрекал меня тобой. Он наслаждался тем, что на фоне нашего полного разорения его личные убытки кажутся не более чем мелкой кражей. Вопреки его желчи, на моем лице появилась невольная улыбка. Меня грела мысль, что ты на свободе, вне его досягаемости... Я устроила пожар в зале. Внезапное пламя пожирало их жадность и похоть. Баффорд вопил, обещая отдать меня на растерзание. Бесполезно - ему не ведомы потайные коридоры поместья...

Чёрт бы тебя побрал, Гарретт... — я сжал переносицу. — Никакой продажи шкуры. Она не пошла к Баффорду в стойло. Настолько чистая работа, что даже ты принял её за фальшивку.

В вашем мире трущоб я была чужой. Каждый переулок норовил превратиться в мою могилу, ведь я не умела ни дышать этими испарениями, ни сливаться с грязью. Тогда я и осознала: тень не лжёт. Сумерки - зеркало, обнажающее суть... Лишь призрачная надежда гнала меня вперёд, ибо отыскать тебя казалось невозможным.

«Тени не лгут» - мои же слова...

Я откинулся на спинку стула.

Баффорд, подлый хитрец! Теперь всё сходится. Ты учуял её тягу к моей тени и придумал раздуть ложный слух. Не сумев взять меня за глотку, ты выбрал её как жалкий откуп. Ставил на то, что я ей не поверю. Гнилой ход, который сработал...

У самого порога зашуршало знакомой возней. Рваная серия тихих ударов - наш с Бассо старый шифр. Я замер у двери, заглядывая в зазор между досками. Убедившись, что засады нет, поочерёдно сдвинул засовы и мягко толкнул створку.

— Бассо... В твоей норе стало тесно от страха? Или ты просто скучал по мне?

Красный и взмыленный, он ввалился внутрь и вцепился в косяк.

— Скучал... Ага... Гадал, в какой канаве ты уже гниёшь... — он унял одышку и вытер пот рукавом. — Слушай, ну букетиками же несёт! Оно понятно, что твоя птичка тут наследила, но ты бы хоть проветрил. В носу свербит, не продохнуть!

— Дёргаешься, будто тебя на исповедь притащили, — я подтолкнул ему табурет ногой. — Выкладывай, зачем пришёл. Покороче.

Бассо уселся и жадно выдул остатки моего эля.

— Я тебя уже помянуть успел, авантюрист этакий! Думал, Баффорд твои кишки на воротах развесил! На улицах хрен пойми чё творится! Иду, значит, мимо Часовой Башни, а там его порубленные псы воют. Я тогда плюнул - чего я, мяса не видел, что ли? — Бассо подался вперёд и заговорил тише. — А позже ко мне в лавку приползли двое. Рожи битые, из боков течёт. Притащили серебро заложить - для денег на лечилово. Так лаялись между собой, что я всё выведал. Оказывается, под раздачу попали из-за твоей Селены!

— Дальше?

— Сдались мне ваши секреты, вот только свора Баффорда зажала её у каналов. Хотели везти к хозяину - он велел притащить её живьём и без единой царапины, смекаешь? Она ему нужна чистенькой. Завтра в Город вкатится какой-то жирный павлин из Столицы. Баффорд собирается подложить ему девку, чтобы тот нужные бумаги подписал.

Значит, жива. Баффорд бережёт её как свою главную взятку.

— Потом вот что: на эту свору напоролись бывшие шавки Рамиреза. И понеслось: «Мы эту дрянь годами стерегли! Давайте её сюда на общую потеху!» Баффордцы огрызались - оспаривать приказ и портить шкурку никто не смел. В итоге - резня. Селена, говорят, стояла посреди потрохов бледная, а нос задрала так, будто это просто пыль под ногами поднялась...

Потому что я выставил её вон, прямо им в руки.

— ...Ныли передо мной, что она им кровь испортила. Ещё и поучали: «Увидишь - делай ноги, пока цел», говорят. Сукины дети. Я-то морду булыжником выставил - мол, знать не знаю, кто такая.

Бассо сцапал со стола кусок заветренного сыра.

— На кой ты вообще с ней таскался, а? Видал хоть, каким глазом она тебя мерила? То ли загрызть собиралась, то ли на шею кинуться, не разберёшь. Как пить дать, она тебя одним чудом не прирезала.

— Великодушная попалась. В общем, обойдёмся без твоих догадок. За мной висит долг.

— Да ну?! — Бассо захохотал, давясь сыром. — С моей-то сестрой ты ловко наладил «постельный налог», а теперь сам угодил в эту же позицию?!

Я пропустил его остроты мимо ушей... Селена мастер мутить воду. Даже в кандалах умудряется столкнуть лбами полгорода.

— ...Помяни моё слово, Гарретт: в этот раз ноги раздвигать придётся тебе...

Баффорд ставил на то, что она будет беречь себя как ценный товар, надеясь оплатить свое право дышать. Просчитался. Этот горе-оценщик охраняет лишь обёртку. Всё, что в ней было стоящего, я уже вытряс.

Мои плечи дернулись от короткого смешка.

— Совсем кукухой поехал? — насторожился Бассо. — Я тут пришёл проверить, сдох он или как, а он лыбится! Баффорд девку умыкнул, дурень!

— Зря надрываешься, — я медленно поднял ладонь. — Считай, что Баффорд выставил стражу вокруг пустого места.

Он захлопал глазами.

— Да пошёл ты... вечно со своими загадками... Лучше делись: успел причаститься к её величеству, пока была возможность? Или ты у нас только по шлюхам Мастер? Ты ж пень трухлявый, Гарретт, тебе лишь бы медяк из говна выудить. А тут - такая нажива...

— Твоя беда в том, что ты видишь сокровищницу там, где взведена ловушка. Захлопнись уже. Своим шумом ты мне всю темноту испортил.

Я выдохнул. До приезда столичного павлина есть время. Баффорд влез в мои дела дальше, чем следовало. Оставлять такие лазейки - неоправданный риск для моей работы.

— Хватит и суток, чтобы вытащить её, а Баффорда списать со счетов.

— Чего? Мало тебе было превратить его особняк в проходной двор? Теперь прикончить вздумал! Ждёшь, что из него жир золотом потечёт?

— Свою долю ты получаешь, а за советы я не доплачивал. Свободен, Бассо, наговорил на две виселицы вперёд.

— Знаешь что, катись ты к чёрту, дымоходник полоумный! — он затопал к выходу. — Если прёшь на рожон ради этой бабы, значит, вляпался по уши! Гляди, как бы самому башку не снесли, пока раздаёшь свои сраные долги!

Дверь грохнула, сотрясая засов. Наконец-то тишина.

Глава 18: Зеркало из бумаги

Особняк Баффорда теперь кишит стражей, как труп личинками, но в этот раз моя цель - не золото.

Подготовка - это привычные звуки: лязг железа, шорох ткани и плеск трофейной алхимии.

Пять. Плащ на верстак. Масляная пропитка глушит блики и не пропускает воду.

Четыре. Стрелы. Разжѐг тигель. Хаммериты пусть бормочут свои молитвы, а мне в работе нужен верный глаз и ясный ум.

Разлил водяной концентрат по колбам. Нет звука приятнее, чем шипение гаснущего факела.

Прессовал мох в наконечники медленно, с нажимом. Теперь любая решётка под ногами станет не громче ковра.

Огненные стрелы пристроил в отдельную секцию колчана. Если всё покатится к Трикстеру, устрою холѐному индюку второй костѐр за неделю.

На сладкое - газовая смесь. Пока состав доходил до кондиции, я снова взял дневник.

Сброшенный плащ был моим неммым признанием: я безоружна. Мне так недоставало твоего сострадания. Жаль, змея не знает срединного пути: её либо боятся, либо убивают. И всё же я шла за тобой сквозь темноту с непоколебимой верой. Ты - человек, не способный на предательство, ибо верен лишь своему кодексу...

Вот ведь... нашла во мне совесть. В Городе стало совсем туго, раз даже тень кажется светом.

Три. Пояс. Подсумки на месте: вспышки, зелья, карта особняка. Подогнал кинжал и дубинку на ремнях.

Я перевернул страницу, стараясь не заляпать бумагу.

В этом порочном Городе преданные люди в ближнем круге - настоящее сокровище...

Ты про Бассо, что ли? Это «сокровище» тогда едва в штаны не наложило...

Ты указал мне на мой угол, как на змеиное логово, и, признаться, твой вердикт верен... Мне показалось, что я в силах сбросить старую кожу: белила, шелка, камни. Стать истинной. Но ты так боишься проявить

слабость, что даже не подходишь ближе. Какая ирония: ты крадёшь у королей и при этом пасуешь перед женщиной, которая сама идёт к тебе в руки.

Я ведь чуть отмычку не сломал, вбивая себе в голову, что мне нет дела до всей этой чепухи. Она же видела меня насквозь. А когда она протянула эти чёртовы изумруды...

Я хотела показать, что не намерена коварно взывать к твоему чувству долга. Увы, ты отверг их... Моё имя и бывшая слава - точно маска, приросшая к лицу. Что бы я ни сделала, ты видишь лишь фальшь и притворство. Существует ли способ доказать тебе, что мне ничего не нужно, кроме твоего доверия?

На последних страницах почерк стал торопливым.

Отчего спасла? Глупый вор... Как мне было растолковать, что в тот миг я узрела в тебе не недруга, а собственное отражение? Ты - человек, следующий своему закону в мире, где честь уже давно перестала что-либо значить. Я свободна по природе так же, как и ты, пусть и заключена в клетку из этикета и вечной лжи своего сословия. Мы оба - мастера своего дела: ты взламываешь механизмы, я - человеческие сердца...

Слышали бы это Хранители, точно бы занесли в свои талмуды как новое пророчество... Но была она без промаха.

...Горькая правда в том, что тебе открыты все пути, однако ты заперт в собственном неверии. Я же, властвуя над толпами, не в силах сорвать с лика маску змеи... Остаётся лишь надеяться: если ты увидишь меня настоящую, то, быть может, моя внутренняя темница падёт.

Я бросил дневник на стол. Таффер... Поверь я этой змее хоть на ломаный грош, сейчас бы мы не в крысиные прятки играли, а спокойно обкатывали вместе... этот верстак в том числе. А Баффорд бы и дальше вжимался в свой трон и тешил себя мечтами о моем трофее.

Два. Перчатки, наручи. Затянул ремни так, чтобы кожа плотно облежала предплечья, не мешая кисти. Отмычки при мне.

Чернила на следующей странице расплылись. Не сразу разобрал.

...достучаться до тебя, Гарретт. Мои слова разбиваются о твое холодное отчуждение. ...исчислил «цену» нашей встречи и вскоре выставишь меня, полагая долг уплаченным. ...станет моим финальным крахом. Ложь и чары обольщения - это яд, которым я травлю чужую волю, и теперь это мой единственный выход: я пушу в ход это искусство против тебя, чтобы доказать ...предельно честна.

Дальше читать не было смысла.

Один. Проверил тетиву лука. Сухой звон - жила ещё крепкая. В моём ремесле фальшивая нота становится последней. Уложил готовые газовые стрелы в колчан.

Погасил свечу. В голове уже выстроился маршрут через коридоры особняка. Пора растолковать Баффорду, что воровать у меня - скверная идея. И расплата за неё будет окончательной.

Глава 19: Узел

Вдоль главных улиц зажгли фонари, мостовая расчертилась на пятна света и удобные провалы теней. По дороге попался зазевавшийся лавочник - смотрел на луну. Короткий рез по ремешку отправил его мощну мне за пазуху. Разминка для пальцев...

Если затянуть гниль в золотой камзол, она не перестанет вонять - это и есть лорд Баффорд. Безупречный на виду, грязный на деле. Годами он лизал сапоги Рамирезу, откупаясь жирным куском со своих притонов. Смотрящий держал его за горло, а тот утирал пот и платил. Старая добрая благотворительность: Хаммериты берут за отпущение грехов, стража - за молчание.

Помню как предыдущая вылазка за Скипетром знатно подпортила Баффорду кровь. Его светлость наверняка до сих пор готов обмочиться, услышав в коридоре скрип половицы. Заказ тогда подогнал Катти. Сгнив в тюрьме, этот проныра выкашлял лёгкие прямо мне под ноги и заодно списал все свои долги. В довершение, та кража заставила Гильдию Воров точить на меня зуб...

Баффорд, хоть и мнит себя стратегом, в моем ремесле соображает не больше, чем буррик в алхимии: он так и не понял, как именно я зашёл к нему в прошлый раз.

Не заметить особняк в ночи было невозможно: свет из окон, гудящие электрические фонари, факелы на стенах и в руках патрульных... Обогнув парадный вход, где стража нервно озиралась на каждый шорох, я нырнул в тени заднего двора. В саду Баффорд расставил нажимные плиты - шумные игрушки, выдающие страх хозяина. Я запрыгнул на каменную ограду и двинулся по краю, глядя на сад сверху вниз.

У колодца вместо одного сонного пьянчуги стояло трое стражников. Начеку. Тем хуже для них. Газовая стрела обеспечила им ночлег под звёздами. Когда они дружно сползли по стенке, я прыгнул в туннель. Вода ледяная, несёт падалью.

Вылез в подвале. На кухне пришлось задержаться - два олуха обмусоливали слухи о Селене. Снова та же сальная похабщина, что и в каждой выгребной яме за последние дни. Как она до сих пор не перерезала им всем глотки - загадка.

Пока они пустословили, мои уши отмеряли шаги патрульного за дверью. Тяжёлая походка, заминка на повороте - я прочёл его маршрут до того, как

слуги вытрясли из своей темы всю грязь. Стоило кухне стихнуть, я проскочил на лестницу, оставив стражника охранять безлюдный проход.

На первом этаже Баффорд настелил металлические решётки. Тратить время на то, чтобы вымерять по ним каждый шаг - накладно. Выпустив пару стрел со мхом, я прошёл по мягкой тропе, быстро и бесшумно. Я двигался к цели, не размениваясь на сундуки и сейфы. Срезал мимоходом несколько кошель и прихватил кубок, подвернувшийся под руку.

Баффорд не дуралей, чтобы держать столь дорогой «подарок» в подвале среди крыс. Готов поспорить, её заперли на втором этаже, где спальни и библиотека. Там же должен быть и Баффорд. Удобно: закончу оба дела за один раз.

Продвигаться стало тяжело. Патрули на каждом повороте, лучники на лестницах, а факелов столько, что за каждую тень приходилось сражаться. Снаряжение таяло.

Я укрылся на балконах, чтобы не рисковать в коридорах. Темнота за балюстрадой была надёжной. Я обходил световые прорехи, контролируя движение охраны за стеклом.

Прыжок, глухой хлопок ладоней, шершавый выступ камня. Замер на карнизе у пустой спальни. Футах в пятидесяти - балкон библиотеки, в десяти - окно. Вот она.

Селена выглядела так, будто никогда и не маралась грязью низов. В кресле снова сидела дочь Рамиреза, разве что теперь хозяином себя возомнил другой выскочка. Золотое платье, жемчуг, белила - Баффорд старался выжать из этого наряда максимум прибыли. Она держала книгу, смотря сквозь страницы. Маска безразличия сидела крепко, но я-то знал, что за ней.

Я пустил верёвочную стрелу в деревянный фриз под кровлей и налёг на снасть, проверяя хват наконечника. Держит. Внутри библиотеки лязгнул засов. Донёсся скрип петель, паркет затрещал под грузными шагами.

— Какое великолепие! — голос сочился жиром. Никак сам хозяин особняка пожаловал. — Выглядишь как венец творения, хоть сейчас на алтарь. Граф Сплendor захлебнётся собственной слюной, когда ты всплывёшь в залу. Твой паршивый папаша за год не вытрясал из моих карманов столько, сколько я расточил на это преображение, лишь бы прикрыть твою вшивую нищету.

В оконном проёме замаячила грузная фигура Баффорда с двумя громилами при полном доспехе. Вариант: вспышка под ноги, один точный удар - и обратно на балкон. Но стражи многовато, а шуметь ещё рано. Я выжидал.

Баффорд разглядывал Селену с безопасного расстояния - не забыл, на что она способна.

— Увы, какое прискорбное рвение, милочка. Твой парфюм - сущее излишество, — он сморщился. — Разит нестерпимо, точь-в-точь как в шлющем вертепе. Эй, вы, бездельники! Отворить балкон! Мне нужно дышать, а не захлёбываться этим дешёвым амбре перед визитом Спландора!

Слуги распахнули створки. Сквозняк вынес наружу уже знакомый дурман - эту сладкую вонь я бы учуял за милю.

— Польщена, что мой вид вам угоден, милорд, — в ровном голосе Селены проступала сталь. — Дабы сделка ваша увенчалась успехом, я проявлю такое смирение в присутствии гостя, которое превзойдёт все смелые ожидания.

— Не скрою, я глубоко утешён тем, что крысиные норы не вытравили из тебя остатки мозгов. Ты сметливая бестия. Завтра явишь такую благочинную кротость, что самого Строителя вывернет от умиления. Будешь тихой, покорной и...

— И искусной? — в её руках раскрылся чёрный веер. Поднявшись с кресла, она начала двигаться к Баффорду - слишком плавно и расчетливо для простой пленницы.

Не подставляй шею, змея...

— Есть тайные умения, милорд. Искусство, позволяющее взять своё, но оставить «товар» безупречным. Я готова продемонстрировать покорность, что принесёт вам двойную выгоду.

Она улыбалась и дразнила его взмахами веера. Стражники обмякли, глаза на её вырез, Баффорд не шевелился. Похоже, его аппетиты душили в нём остатки рассудка.

— Прекрати плести свои кружева, ведьма. Я знаю твою натуру, эти шарады на меня не...

Щелчок лезвия, удар по горлу - кровь залила его камзол. Он даже не понял, что это конец. Так и осел на ковёр с остекленевшим взглядом.

Трикстер её раздери!

Я запрыгнул на верёвку.

Застигнутые врасплох, стражники замешкались. Этих секунд Селене хватило, чтобы броситься к балкону. Я уже перемахивал к соседнему выступу, когда один из громил очнулся и рубанул мечом наотмашь. Короткий вскрик, пятно на боку, но шагу она не сбавила. Вскочила на парапет. Я увидел её лицо - безумная улыбка, пустые глаза. Она не искала путь к спасению.

Только не этот дешёвый финал!

Я оттолкнулся и рванул на опережение, на ходу глотая замедляющее зелье. Мир стал вязким, дав мне время, чтобы выверить траекторию и перехватить её в воздухе. Удар вышиб дух из обоих. Стоило мне сгрести её в охапку, как лишний вес сожрал остатки эффекта. Верёвка натянулась, едва не оттяпав мне плечо. Нас понесло маятником на ближайшее дерево. Ветки обдирали кожу, замедляя падение.

Мы рухнули в кусты. Я вскочил первым, лёгкие горели.

— С ума сошла?! То дом поджигаешь, то с балконов сигаешь. В следующий раз падай за свой счёт!

Она вперилась в меня так, будто я вылез из могилы. Лежала на траве, хватая ртом воздух. Сквозь пальцы, прижатые к боку, густо шла кровь.

— Ты... явился...

— Явился, на свою голову!

Резкий рывок заставил её подняться. Она охнула и вцепилась в мой плащ мёртвой хваткой.

— Вор! Вор здесь! — донеслись вопли с балкона.

Мы бросились через сад. Она хромала, превращая наш побег в медленную катастрофу.

— Готовься к смерти, таффер! — дорогу преградили двое с мечами.

Я выхватил огненную стрелу. Селена наваливалась на меня, сбивая прицел. Поймав равновесие, я выстрелил в траву под ноги страже. Огонь полыхнул, отрезая нас от погони.

Нам удалось вырваться на улицы и раствориться в узких заулках. Я тащил её на плече, путая следы. Сквозь гул в ушах слышались отдаленные крики стражи. Боль в рёбрах отошла на второй план. Значение имело лишь расстояние до следующей тени.

Мы забились в какую-то заброшенную голубятню на окраине Хайтауна. Я сбросил её на кучу гнилых мешков. Руки ныли от напряжения, но я заставил их действовать чётко.

Кинжал с хрустом распорол отяжелевший от крови шёлк. Рана была дрянная, а падение сквозь ветки разодрало её ещё глубже. Я вытащил ветошь и пузырёк с зельем.

Гадкое чутьё не обманешь: это всё равно что затыкать пробойну пальцем.

— Не дёргайся, — я прижал ткань к ране. — Залатаю.

Я злился на неё, на себя, на то, что всё пошло не по плану.

— Опять всё сама решила... Одиночка проклятая, — я давил на тряпки, ладони скользили в крови. — Не смейдохнуть, пока я не верну долг.

Селена смотрела на меня. Лицо - белое, спокойное.

— Гарретт... — едва слышный шёпот. — Оставь.

— Закрой рот. — Я вытолкнул это сквозь стиснутые зубы.

Она приподняла руку - холодные пальцы коснулись моей шеи. Меня пробрал озноб.

— Между нами нет долгов...

Рука сорвалась и стукнулась о доски, всколыхнув пыль.

Сирены особняка выли вдалеке.

— Селена?..

Я сидел, сжимая в кулаке окровавленную ветошь.

Дрянное чувство - всё равно что по чистой случайности выронить в канаву редкую вещицу.

Глава 20: Свинцовая склянка

Прошло достаточно времени, чтобы шумиха сошла на нет. Город остался всё тем же гнилым болотом, разве что в Хайтауне сменили пару гербов на воротах.

Дверь в лачугу Бассо как всегда грозила рассыпаться в труху. Старый пройдоха сидел в горьком табачном дыму. Увидев меня, он харкнул в сторону камина.

— Опять ты? Честное слово, Гарретт, ты мне весь порог обил! Ты нудишь хуже Молота в Крагсклефте.

— Не причитай. Бурда, что ты тянешь у своих аптекарей, неплохо держит мои рёбра в куче. Будешь ворчать - начну закупаться напрямую, и твоя лавочка быстро прикроется. Давай уже склянку.

Бассо онемел на секунду, а потом зашёлся хриплым кашлем, который у него заменял смех.

— Глядите, какой делец нашёлся! Да ты и цен-то не знаешь, «одиноким волк» хренов! — он выудил из ящика пузырьрёк и швырнул его мне. — На, подавись и проваливай. У меня полно дел, и ни в одном из них нет места твоей кислой мине. Да и вообще, красотки в «Медянке» уже заждались моих монет.

Я спрятал лекарство во внутренний карман и усмехнулся.

— Смотри не рассыпся. С твоим везением, утехы - это прогулка по битому стеклу. Больно и без толку.

— Вали уже на хер, я сказал! — он замахал руками, выпихивая меня к порогу. — Увижу твою рожу раньше следующего месяца - подсыплю слабительного в зелье!

— И тебе не сгинуть в яме, — бросил я, на мгновение сжав его плечо.

Промозглый ветер хлестнул в лицо дождём, выбивая из ноздрей запах табака. Я облокотился на кованую ограду колодца, удерживая склянку. Под пальцы лёг рубец у ворота - та рваная борозда от веток, что едва не вскрыли мне лёгкие при падении. Я всмотрелся в мутный серый настой в стекле.

Скрытность порой выматывает даже такого, как я. Возможность переждать там, где не нужно прятаться... что ж, от этого действительно становится легче.

Содержимое

Глава 1: Скидка за старое знакомство	4
Глава 2: Налог на независимость	7
Глава 3: Серебро и притворство	9
Глава 4: Шелковый разрез	13
Глава 5: Кредитор	15
Глава 6: Вторая выплата	18
Глава 7: Покровитель с большой дороги	20
Глава 8: Принципы для недоумков	25
Глава 9: Капкан из битого стекла	29
Глава 10: Слишком дорогой хвост	31
Глава 11: Цена покоя	36
Глава 12: Что вскроет аккорд Синчери?	40
Глава 13: Мираж алого следа	44
Глава 14: Честная грязь	47
Глава 15: Порода и ржавчина	52
Глава 16: Шаги в тумане	54
Глава 17: Меню для павлина	58
Глава 18: Зеркало из бумаги	63
Глава 19: Узел	66
Глава 20: Свинцовая склянка	71